

Источник: Венецианский купец. Трагедия в пяти действиях. Перевод П. Вейнберга // Шекспир В. Полное собрание сочинений В. Шекспира в переводе русских писателей: В 3 т. / Под ред. Д. Михаловского. СПб., 1899. Т. 1. С. 379-424.

379

ВЕНЕЦИАНСКІЙ КУПЕЦЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Венеціанскій Купецъ» появился въ печати не ранѣе 1600 года, хотя положительно извѣстно, что онъ былъ представленъ въ первый разъ въ 1598 году. Въ изданіи 1600 года пьеса озаглавлена была очень подробно слѣдующимъ образомъ: «Превосходная исторія о венеціанскомъ купцѣ, а также и о чрезмѣрной жестокости жида Шейлока въ отношеніи къ этому купцу, у котораго онъ хотѣлъ вырѣзать ровно фунтъ его мяса. Также и о полученіи въ замужество Порціи посредствомъ выбора одного изъ трехъ ящичковъ. Сочиненіе В. Шекспира». Послѣ 1600 года «Венеціанскій Купецъ» не былъ болѣе переизданъ отдѣльно и вошелъ только уже въ 1623 году въ полное изданіе сочиненій Шекспира. Шекспиръ основалъ «Венеціанскаго Купца» на двухъ совершенно различныхъ сюжетахъ, которые онъ неразрывно сплотилъ въ одно цѣлое. И тотъ, и другой сюжетъ заимствовалъ онъ изъ двухъ рассказовъ въ англійской редакціи «Gesta Romanorum»: одинъ изъ нихъ — рассказъ о венеціанскомъ купцѣ — занесенъ былъ въ англійскій сборникъ изъ числа новеллъ Джіованни Фіорентино; другой — о выборѣ одного изъ трехъ ящичковъ, сопряженномъ съ выборомъ невѣсты — заимствованъ въ англійскую редакцію «Gesta Romanorum» изъ итальянской редакціи того же сборника.

Новелла Джіованни Фіорентино «О Венеціанскомъ Купцѣ» принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній итальянской литературы въ этомъ обширномъ и многочисленномъ родѣ. Соединяя въ себѣ всѣ лучшія черты этого рода произведеній, она, благодаря таланту автора, не страдаетъ общими недостатками всякой новеллы, то-есть — растянутостью изложенія и обиліемъ мелочныхъ подробностей.

«Во Флоренціи», такъ рассказываетъ въ новеллѣ: «жилъ нѣкогда очень богатый купецъ, у котораго было три сына. Честными оборотами успѣлъ онъ въ теченіе жизни скопить большое богатство, и передъ смертью подѣлилъ его между двумя старшими сыновьями. Узнавъ объ этомъ, младшій сынъ его, Джьянетто, подошелъ къ отцу, лежавшему на смертномъ одрѣ, и очень кротко спросилъ его: «отчего же, батюшка, обидѣлъ ты меня одного изъ насъ троихъ»? — «Милый сынъ мой», отвѣчалъ ему отецъ: «я потому все свое богатство раздѣлилъ между двумя старшими твоими братьями, что ты и безъ моего имущества будешь богатъ. Въ Венеціи живетъ у меня старинный пріятель, мессэръ Ансальдо; онъ уже много разъ писалъ мнѣ, чтобы я прислалъ ему одного изъ моихъ сыновей, котораго, будучи бездѣтнымъ, онъ

усыновить и сдѣлаетъ наслѣдникомъ всего своего богатства. Тебя я предназначилъ къ отправленію въ Венецію». Умеръ отецъ. Братья тотчасъ же предложили Джьянетто удѣлить по равной долѣ всего своего достоянія; но Джьянетто, поблагодаривъ ихъ, объявилъ имъ, что твердо рѣшился исполнить волю родителя и отправиться въ Венецію, почему и попросилъ братьевъ надѣлать его только конемъ и небольшимъ количествомъ денегъ на дорогу. Такъ они и сдѣлали, — а вскорѣ послѣ того Джьянетто отправился въ Венецію, гдѣ и былъ весьма радушно принятъ мессэромъ Ансальдо, который сказалъ ему при первомъ же свиданіи, что онъ можетъ считать себя полнымъ хозяиномъ въ его домѣ. Джьянетто былъ такимъ веселымъ, честнымъ, любезнымъ и добронравнымъ юношей, что вскорѣ не только самъ мессэръ Ансальдо полюбилъ его, какъ своего родного сына, но и весь городъ сталъ на него указывать, какъ на образецъ юноши, примѣрнаго во всѣхъ отношеніяхъ. Полюбили мессэра Джьянетто и сверстники его, и старики, и люди пожилыхъ лѣтъ — всѣ одинаково; всѣ наперерывъ приглашали его къ себѣ, желали видѣть его у себя, и ни одно собраніе, ни одинъ праздникъ не обходились безъ присутствія милаго мессэра Джьянетто. Такая разсѣянная жизнь не мѣшала

380

ему однако же заниматься дѣломъ, и онъ очень искусно умѣлъ дѣлать свое время между занятіями торговлей и развлеченіями.

«Прошло сколько-то времени. Видя, что Джьянетто очень охотно и ловко занимается дѣлами, Ансальдо вскорѣ предоставилъ ему полную волю и, когда стали ему добрые люди совѣтовать, чтобы онъ отпустилъ мессэра Джьянетто торговать за море, мессэръ Ансальдо очень легко и скоро согласился на это. Снарядили прекрасный корабль, нагрузили его богатѣйшими товарами, и мессэръ Джьянетто, провожаемый всѣмъ городомъ, среди всевозможныхъ пожеланій, отплылъ изъ Венеціи, вмѣстѣ съ другими двумя-тремя молодыми купцами, которые также плыли торговать за море на своихъ корабляхъ, но уже не въ первый разъ, почему мессэръ Ансальдо и просилъ ихъ при отъѣздѣ не оставить молодого человѣка своими совѣтами и наставленіями.

«Плаванье Джьянетто, на первыхъ порахъ, было весьма благополучно. Въ одинъ прекрасный день глазамъ его представилась въ сторонѣ прекрасная и удобная гавань, при которой расположенъ былъ великолѣпнѣйшій городъ. Когда Джьянетто спросилъ своихъ товарищей-купцовъ о томъ, что это за городъ и какъ ему имя, тѣ отвѣчали ему: «О, берегитесь этого города! Здѣсь живетъ донна Бельмонте, знаменитая своею красотою, и въ ея городѣ издревле существуетъ странный обычай. Каждога купца, который входитъ со своимъ кораблемъ въ ея гавань, она приглашаетъ къ себѣ, заставляетъ провести съ ней весь день въ весельи, потомъ ведетъ въ свою спальню и укладываетъ спать съ собою. И если гостю удастся угодить ей, то она обязуется выйти за него замужъ; если же нѣтъ, то она приказываетъ отобрать у него и корабль, и товары — и изгоняетъ его изъ своего города. Однакоже, до сихъ поръ еще никогда не случалось, чтобы такое посѣщеніе проклятаго города имѣло

благополучный исходъ для гостя». Джьянетто, задумавшись, слушалъ рассказы своихъ товарищей-купцовъ и, наконецъ, сказалъ имъ: «я, во что бы ни стало, хочу побывать въ этомъ городѣ и попытать своего счастья у донны Бельмонте». Какъ ни старались его отклонить отъ этого пагубнаго намѣренія, онъ не захотѣлъ слушать ни чьихъ совѣтовъ и направилъ свой корабль ко входу въ заколдованную гавань. Едва ступилъ онъ на берегъ, какъ посланные отъ донны Бельмонте встрѣтили его съ поклонами и привѣтствіями и повели въ городъ, гдѣ ожидала его сама владѣтельница всей окрестной страны, въ сопровожденіи большой толпы своихъ вассаловъ, слугъ и подругъ. Она приняла мессэра Джьянетто, какъ стараго знакомаго, обласкала его, повела въ свой дворецъ — и тамъ началось такое веселье, такое ликованье и пированье, по случаю пріѣзда новаго гостя, что у молодого купца голова пошла кругомъ. Провеселившись съ гостемъ въ продолженіе всего дня, донна Бельмонте сказала ему подъ вечеръ: «какъ ты думаешь, Джьянетто, не пора ли намъ отдохнуть?» — «Пожалуй!» отвѣчалъ ей Джьянетто — и они направились торжественнымъ шествіемъ къ дверямъ спальни. По приходѣ ихъ въ спальню, двѣ прелестныя мододыя дѣвушки поднесли молодому купцу кубокъ ароматнаго вина, а донна Бельмонте, обратясь къ нему, сказала вкрадчивымъ и сладкимъ голоскомъ: «ты, вѣроятно, хочешь пить, мой милый Джьянетто? Вотъ тебѣ принесли кубокъ вина, чтобы прохладиться!» И Джьянетто, взявъ кубокъ съ подноса, осушилъ его до дна. Но едва успѣлъ онъ допить послѣднія капли его, какъ почувствовалъ, что его начинаетъ одолевать крѣпчайшій сонъ, и едва успѣлъ онъ добраться до постели, какъ заснулъ непробуднымъ сномъ, и проспалъ такимъ образомъ до самаго утра. А донна Бельмонте, видя, что онъ заснулъ достаточно крѣпко, послала своихъ людей къ его кораблю и присвоила его со всѣмъ грузомъ, какой въ немъ находился. Бѣдный Джьянетто, тотчасъ по пробужденіи, тихонько выбрался изъ города, купилъ себѣ лошадь и кое-какъ, послѣ долгаго и труднаго пути, добрался до Венеціи. Тамъ онъ не сразу рѣшился явиться на глаза къ мессэру Ансальдо и, только уже удостовѣрившись въ томъ, что старый другъ его отца не станетъ сердиться на него за постигшую его неудачу, онъ вернулся въ его домъ и объявилъ ему, что бурей отбило его отъ остальныхъ его товарищей-купцовъ, потомъ разбило его корабль о подводные камни и при этомъ крушеніи погибли всѣ люди, бывшіе на кораблѣ, кромѣ самого Джьянетто. «Ну, и слава Богу!» отвѣчалъ добрый мессэръ Ансальдо на этотъ вымышленный рассказъ своего любимца: «только бы ты былъ живъ, а корабль мы, и еще такой же, сьумѣемъ снарядить».

Далѣе слѣдуетъ въ новеллѣ буквальное повтореніе того же самаго эпизода: Джьянетто опять ѣдетъ за море, опять рѣшается попытать счастья у донны Бельмонте, и, опять-таки, не выдержавъ испытанія, теряетъ и корабль, и товары. И точно такъ же, возвратившись въ Венецію, сначала скрывается отъ мессэра Ансальдо, и потомъ успѣваетъ всѣхъ увѣрить, что кораблекрушеніе было еще разъ причиною его несчастія.

«Непреодолимое влеченіе побуждало его, однакоже, еще разъ попытать своего счастья у очаровательной донны Бельмонте — и вотъ

мессэръ Ансальдо, предугадывая его пламенное желаніе, предлагаетъ ему снарядить еще и третій корабль. Джьянетто рѣшается принять предложеніе своего благодѣтеля, хотя и знаетъ, что тотъ вынужденъ употребить на это предпріятіе послѣднія крохи своего нѣкогда блестящаго состоянія. Снаряжаютъ корабль, нагружаютъ его товаромъ, и, за всѣми издержками, мессэръ Ансальдо вынужденъ еще призанять у одного жида 10,000 червонцевъ. Жидъ даетъ ему деньги въ долгъ подъ тѣмъ условіемъ, что если онѣ не будутъ ему возвращены черезъ годъ къ Иванову дню, то онъ можетъ заявить объ этомъ въ судѣ и, въ видѣ удовлетворенія, *вырѣзатъ у мессэра Ансальдо ровно фунтъ мяса, откуда ему будетъ угодно*. Заключивши такое условіе съ жидомъ, мессэръ Ансальдо отпускаетъ Джьянетто за море».

Далѣе слѣдуетъ опять описаніе того, какъ Джьянетто въ третій разъ прибылъ въ городъ донны Бельмонте, какъ былъ ею принятъ еще съ бѣльшею радостью, чѣмъ въ предыдущіе разы, потому что она еще болѣе, чѣмъ прежде, рассчитывала на вѣрную добычу. Вышло, однако же, иначе.

«Когда послѣ цѣлаго дня, проведеннаго въ весельи и танцахъ, донна Бельмонте пригласила мессэра Джьянетто слѣдовать за нею въ спальню, одна изъ сопровождавшихъ ее фрейлинь наклонилась и шепнула на ухо Джьянетто: «смотри, когда будутъ подавать тебѣ, какъ и прежде, вино, ты только видъ покажи, будто пьешь, а самъ не пей». Такъ Джьянетто и сдѣлалъ. Двѣ дѣвушки поднесли ему въ спальнѣ кубокъ вина, и донна Бельмонте сказала ему, какъ и прежде: «вотъ тебѣ принесли кубокъ вина, чтобы прохладиться». Но Джьянетто, помня данное ему наставленіе, все вино вылилъ за пазуху, такъ что никто этого не замѣтилъ и, къ удивленію донны, преспокойно раздѣлся, легъ въ постель и съ нетерпѣніемъ ожидалъ той минуты, когда прекрасная донна послѣдуетъ его примѣру. Затѣмъ, въ продолженіе всей ночи успѣлъ онъ выказать *такую бодрость и неутомимость*, что донна Бельмонте должна была признать себя побѣжденною. На утро созвала она всѣхъ бароновъ и другихъ подвластныхъ ей вассаловъ въ своемъ великолѣпномъ замкѣ и объявила имъ, что она выходитъ замужъ за Джьянетто. Вскорѣ отпразднована была свадьба съ такимъ торжествомъ и великолѣпіемъ, ее сопровождали въ такомъ множествѣ турниры, балы, праздники и увеселенія всякаго рода, что Джьянетто совершенно потерялъ голову среди этой разсѣянной жизни и, въ упоеніи своего торжества, среди шума и веселій, совсѣмъ позабылъ и о Венеціи, и объ Ансальдо, и о страшномъ условіи его съ жидомъ. Такъ прошелъ цѣлый годъ. По истеченіи его, случилось однажды мессэру Джьянетто стоять у окна съ своею молодою и прекрасною женою, при чемъ онъ увидѣлъ процессію, которая направлялась къ одной изъ городскихъ церквей и спросилъ жену: куда и зачѣмъ идутъ эти люди? Она отвѣчала ему: «сегодня Ивановъ день; вотъ почему къ церкви Св. Іоанна и направляется эта процессія». Джьянетто тутъ только вспомнилъ о своемъ благодѣтелѣ и пришелъ въ неописанный ужасъ. Жена его, замѣтивъ, что онъ быстро измѣнился въ лицѣ, и узнавъ о причинѣ его волненія, тотчасъ

посоветовала ему захватить съ собою, какъ можно больше, денегъ, взять лучшихъ коней, и съ небольшою свитою поспѣшить въ Венецію, гдѣ ему еще, можетъ быть, удастся спасти своего благодѣтеля. Такъ Джьянетто и поступилъ.

«Между тѣмъ, по истеченіи законнаго срока, еврей-кредиторъ мессэра Ансальдо предъявилъ заключенное имъ условіе въ судѣ — и судъ выдалъ ему мессэра Ансальдо головою. Несчастный мессэръ Ансальдо, давно уже не имѣя никакихъ извѣстій о своемъ Джьянетто и потому очень мало разсчитывая на помощь съ его стороны, все же просилъ жида на нѣкоторое время отсрочить исполненіе заключеннаго между ними условія. Жидъ, твердо увѣренный въ томъ, что его черный замыселъ будетъ имѣть желаемый исходъ, согласился на отсрочку — и потому-то именно Джьянетто удалось поспѣть вѣ-время въ Венецію. Между тѣмъ, однакоже, и донна Бельмонте, не надѣясь на опытность и изворотливость Джьянетто, пустилась также въ путь, и, переодѣтая въ длинное и широкое платье доктора правъ, явилась вскорѣ въ Венеціи и выдала себя тамъ за знаменитаго знатока юридическихъ наукъ, рѣшившись, во что бы то ни стало, спасти человѣка, которому ея супругъ былъ такъ много обязанъ. Судъ, несмотря на всѣ представленія и просьбы со стороны Джьянетто, рѣшилъ, однакоже, дѣло въ пользу жида. Напрасно предлагалъ ему Джьянетто не только удвоить, но даже удесятерить ту сумму денегъ, которую онъ далъ въ долгъ мессэру Ансальдо; жидъ на всѣ его предложенія только и твердилъ: «я хочу у него вырѣзать, по условію, фунтъ мяса, потому что срокъ уплаты денегъ уже давно прошелъ». И жидъ уже готовился исполнить свое страшное намѣреніе, какъ вдругъ въ залу суда вошла донна Бельмонте, въ одеждѣ доктора юридическихъ наукъ. «Послушай», сказала она, обращаясь къ жиду: «я тебѣ совѣтую взять тѣ деньги, которыя тебѣ этотъ молодой человѣкъ предлагаетъ, потому что ты легко можешь не получить ни денегъ, ни условнаго

фунта мяса». — «Ну, это мы еще увидимъ», отвѣчалъ ей жидъ очень дерзко и самоувѣренно. — «А вотъ видишь ли, въ чемъ дѣло: ты условился съ своимъ должникомъ, что ты, въ случаѣ неуплаты, имѣешь право вырѣзать у него фунтъ мяса, откуда тебѣ вздумается; но насчетъ крови у васъ никакого условія не было; а потому я тебя и предупреждаю, что если ты, вырѣзая у твоего должника условленный фунтъ мяса, прольешь хоть одну каплю крови или вырѣжешь немного болѣе или немного менѣе фунта мяса, то ты будешь отвѣчать за такое нарушеніе условія своею головою». Всѣ были поражены мудростью такого рѣшенія и нашли его совершенно справедливымъ. Одинъ только жидъ былъ въ отчаяніи и не зналъ, что ему выгоднѣе будетъ предпринять. Наконецъ, онъ объявилъ, что согласенъ взять деньги и уничтожить условіе относительно фунта мяса; но донна Бельмонте отвѣчала ему строго: «ты не хотѣлъ слышать о деньгахъ и требовалъ фунтъ мяса — получай же фунтъ мяса. А вы», продолжала она, обращаясь къ судьямъ:

«велите приготовить веревку, чтобы повѣсить жида, если онъ прольетъ хоть каплю крови или вырѣжетъ не ровно фунтъ мяса у почтеннаго мессэра Ансальдо». Какъ ни торговался жидъ, пріѣзжій юристъ оставался непоколебимъ и злему ростовщику пришлось разорвать ужасное условіе и со стыдомъ удалиться изъ суда. Такъ былъ спасень мессэръ Ансальдо неизвѣстнымъ докторомъ, котораго никто въ Венеціи не зналъ и не успѣлъ узнать, потому что донна Бельмонте, сопровождаемая благословеніями Ансальдо и Джьянетто, вскорѣ уѣхала изъ Венеціи и Джьянетто узналъ о ея хитрой продѣлкѣ только тогда, когда, вмѣстѣ съ мессэромъ Ансальдо, вернулся во владѣнія донны Бельмонте и навѣки тамъ поселился».

Другая новелла, заимствованная изъ англійской редакціи «Gesta Romanorum» и на которой Шекспиръ основалъ извѣстную «сцену съ ящиками», очень проста и не замысловата по содержанію своему. «Дочь короля Апуліи», рассказывается въ «Gesta», «была просватана за сына римскаго императора Ансельма. На пути по морю, корабль, на которомъ она ѣхала, потерпѣлъ крушеніе, и она сама была поглощена китомъ. Ей удалось, однакоже, развести внутри его огонь и нанести ему нѣсколько ранъ ножомъ, вслѣдствіе чего онъ и направился къ берегу, гдѣ былъ убитъ княземъ Пиріемъ, который взялъ королевну подъ свое покровительство. Когда она рассказала свою исторію, князь препроводилъ ее къ императору Ансельму. Императоръ, чтобы испытать, достойна ли она руки его сына, велѣлъ поставить передъ ней три сосуда. Первый былъ золотой и полонъ костей человѣческихъ; на немъ была надпись: «кто меня выберетъ, найдетъ то, чего онъ заслуживаетъ». Другой былъ серебряный, наполненный землею, съ надписью: «кто меня выберетъ, найдетъ то, что природа»... Третій сосудъ былъ свинцовый, наполненный драгоценными каменьями, и носилъ на себѣ слѣдующую надпись: «кто меня выберетъ найдетъ то, что Богъ сюда вложилъ». Императоръ приказалъ королевнѣ выбрать одинъ изъ трехъ сосудовъ, предупредивъ ее, что если она выберетъ то, что будетъ полезно и ей, и другимъ, то выйдетъ замужъ за его сына; если же выберетъ такое, что ни ей, ни кому другому не можетъ принести пользы, то онъ не женить на ней своего сына. Королевна, помолившись Богу и попросивъ его о помощи, предпочла свинцовый сосудъ золотому и серебряному. Императоръ сказалъ ей послѣ этого, что выборъ ея совершенно соотвѣтствуетъ его желанію, почему онъ и готовъ дать дозволеніе на бракъ съ нею сыну».

Благодаря критическимъ мудрствованіямъ и выводамъ, болѣе основаннымъ на фантазіи, чѣмъ на истинѣ, между почитателями Шекспира образовался совершенно неправильный взглядъ на Шекспирова «Венеціанскаго Купца». Не обращали главнымъ образомъ вниманія на то, что эта пьеса принадлежитъ къ числу лучшихъ его произведеній по цѣльности въ обработкѣ сюжета и по удивительной связности отдѣльныхъ частей, между которыми нѣтъ возможности замѣтить никакихъ искусственныхъ швовъ; напротивъ того — старались насильственно разъединить тѣсно сплоченныя части, признавая характеръ жида Шейлока болѣе отдѣльнымъ, болѣе законченнымъ, чѣмъ всѣ остальные характеры той же самой пьесы. Первый примѣръ такого неправильнаго взгляда на характеръ Шейлока былъ поданъ

Шлегелемъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ придалъ характеру жида-ростовщика совершенно отвлеченное значеніе. И Шлегель, и многіе другіе почитатели Шекспира, по примѣру Шлегеля, полагаютъ, что въ лицѣ Шейлока великій драматургъ хотѣлъ представить общій типъ племени, угнетаемаго въ теченіе тысячелѣтій, постоянно подвергающагося всевозможнымъ притѣсненіямъ и оскорбленіямъ и всѣми презираемаго и преслѣдуемаго. Шейлокъ, по мнѣнію этихъ критиковъ, мститъ не лично Антонію; въ лицѣ Шейлока только проявляется вѣковая ненависть жидовъ къ христіанамъ. Не говоря о томъ, что Шекспиръ былъ рѣшительно неспособенъ къ созданію такихъ отвлеченныхъ образовъ, какой предполагаютъ нѣкоторые критики въ Шейлокѣ; не говоря о томъ, что такому положенію совершенно противорѣчитъ третіе явленіе перваго дѣйствія, въ которомъ

383

Шейлокъ, при встрѣчѣ съ Антонію, излагаетъ весьма подробно причины личной своей вражды въ отношеніи къ молодому купцу; не говоря обо всемъ этомъ, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтить, что помимо того отвлеченнаго значенія, которое стараются навязать Шейлоку, характеръ его созданъ Шекспиромъ въ замѣчательно глубокихъ психологическихъ данныхъ. Въ то время, когда всѣ не стыдились открыто выражать свою ненависть къ евреямъ; когда правительства выдавали указы, по которымъ еврейскому населенію не позволялось селиться въ городахъ наравнѣ съ остальными гражданами, или оно признавалось недостойнымъ равноправности съ ними; когда, наконецъ, нисколько не считалось дурнымъ и непозволительнымъ всякое насиліе надъ несчастными евреями, которые часто подвергались даже и поголовному грабежу — Шекспиръ, въ лицѣ Шейлока, представилъ своимъ современникамъ превосходное отраженіе той ненависти, которую они сами питали къ евреямъ; Шекспиръ осязательно указалъ въ Шейлокѣ на тѣ черты еврейскаго типа, которыя успѣли въ немъ развиться только вслѣдствіе исключительнаго и жалкаго положенія евреевъ въ Европѣ. И этотъ типъ, созданный Шекспиромъ, можетъ служить высокимъ доказательствомъ гуманности Шекспировыхъ воззрѣній на жизнь и на людей. Какъ ни замѣчателенъ характеръ Шейлока, однакоже и другіе ни мало не уступаютъ ему по своему эстетическому значенію. Особенно характеры Порціи и Антонію такъ широко, умно и благородно задуманы, что смѣло могутъ быть отнесены къ числу весьма замѣчательныхъ созданій Шекспира.

Въ заключеніе не мѣшаетъ замѣтить, что позднѣйшая судьба «Венеціанскаго Купца» представляетъ собою любопытное доказательство суетности и непостоянства всякой славы. Не далѣе какъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ по смерти Шекспира, нѣкто Томасъ Джорданъ, издавая въ свѣтъ небольшой сборникъ стихотвореній (*Royal Arbor of Loyal Poesie*, 1664), помѣстилъ въ немъ и балладу, въ которой передаетъ содержаніе Шекспирова «Венеціанскаго Купца», переиначивая и искажая его на каждомъ шагу. Въ такомъ же точно видѣ пересказываетъ онъ содержаніе и другихъ пьесъ

великаго драматурга, напрімѣрь, «Зимней сказки», «Много шуму изъ ничего» и другихъ, выдавая себя за автора всѣхъ этихъ разсказовъ и вовсе не упоминая о Шекспирѣ. Очевидно, что забыты были не только произведенія Шекспира, но и самая слава его!

Кромѣ перевода П. И. Вейнберга, сдѣланнаго для нашего изданія, мы имѣемъ четыре полныхъ перевода «Венеціанскаго Купца». Вотъ ихъ полный титуль:

1) Венеціанскій Купецъ, драма въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Шекспира. Перевелъ съ англійскаго Василій Якимовъ. Спб. Печатано въ типографіи Х. Гинце 1833. (Въ 8-ю д. л., стр. 1—175)

2) Венеціанскій Купецъ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ, Шекспира. Переводъ съ англійскаго Н. Павлова. («Отечественныя Записки», 1839, т. V, № 9, отд. III, стр. 255—347). Прозаическій переводъ.

3) Шейлокъ, венеціанскій жидъ. Драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ, Шекспира, передѣланное для сцены Ап. Григорьевымъ. («Драматическій Сборникъ», 1860, № 1, отд. I, стр. 1-52).

4) Венеціанскій Купецъ. Шекспиръ, въ переводѣ А. Л. Соколовскаго.

Кромѣ того, существуютъ еще двѣ перепечатки роли Шейлока изъ этого перевода, сдѣланныя въ Кіевѣ и Одессѣ для представленій извѣстнаго англійскаго трагика Ольриджа, игравшаго, между прочимъ, и въ этихъ двухъ городахъ. Вотъ они:

I. Роль Шейлока изъ драмы «Шейлокъ». Кіевъ. Въ университетской типографіи, 1861. Въ 8-ю д. л., стр. 1—19).

II. Роль Шейлока. Изъ трагедіи Шекспира. «Шейлокъ, венеціанскій жидъ». Представлена въ Одесскомъ театрѣ 2-мъ Айра Альриджемъ. Одесса. Въ типографіи П. Францова. 1861. (Въ 8-ю д. л., стр. 1—20).

Кромѣ названныхъ трехъ полныхъ переводовъ «Венеціанскаго купца» на русскій языкъ, существуютъ еще два отрывка изъ этой трагедіи. Вотъ они:

5) Первая сцена пятаго дѣйствія драмы Шекспира «Венеціанскій Купецъ». Переводъ Ев. У-ва. («Шехеразада», 1859, т. I, № 11, стр. 329).

6) Отрывки изъ «Венеціанскаго Купца», драмы Шекспира. Переводъ Ѡ. Устрялова, («Сочиненія Генриха Гейне», 1864, т. III, Стр. 240—246). Дѣйствіе I, сцены I и III и дѣйствіе IV, сцена I.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Дождь Венеціи.

Принцъ Мароккскій.

Принцъ Аррагонскій.

Антоніо — венеціанскій купецъ.

БАССАНИО — его другъ.
СОЛАНІО   }
САЛАРИНО   } друзья Антоніо и Бассаніо.
ГРАЦІАНО   }
ЛОРЕНЦО — влюбленный въ Джессику.
ШЕЙЛОКЪ — еврей.
ТУБАЛЬ — еврей, другъ его.
ЛАНЧЕЛОТЪ ГОББО — шутъ, служитель Шейлока.
СТАРИКЪ ГОББО — отецъ Ланчелота.
ЛЕОНАРДО — слуга Бассаніо.
БАЛЬТАЗАРЪ — слуга Порціи.
СТЕФАНО — слуга Порціи.
ПОРЦІЯ — наслѣдница богатаго имѣнія.
НЕРИССА — ея служанка.
ДЖЕССИКА — дочь Шейлока.
Сенаторы, члены суда, тюремщикъ, слуги.

Дѣйствіе происходитъ частью въ Венеціи, частью въ большомъ замкѣ Порціи, на материкѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Венеція. Улица.

Входятъ АНТОНИО, САЛАРИНО и СОЛАНІО.

АНТОНИО.

Признаться, я и самъ не понимаю,
Чего я такъ печалень. Грусть и вась
Томить, какъ вы сказали мнѣ; но, право,
Я все еще узнать стараюсь, какъ
Я эту грусть поймалъ, нашель, иль встрѣтилъ,
И изъ чего она сотворена,
И чье она произведенъе. Просто
Я сдѣлался какимъ-то дуракомъ,
И самъ себѣ почти незнаваемъ.

САЛАРИНО.

Вашъ духъ теперь летаетъ по морямъ;
Вы мыслю тамъ, гдѣ ваши галеоны,
Подобныя вельможамъ именитымъ
И гражданамъ богатымъ водъ морскихъ,
Вздуть паруса, внизъ смотрятъ горделиво
На мелкія торговыя суда,
Что головы съ почтенъемъ преклоняютъ
Когда они несутся мимо ихъ
На полотняныхъ крыльяхъ.

СОЛАНІО.

О, повѣрьте,
Когда бы я такъ много рисковалъ,
Какъ вы, синьоръ, вослѣдъ моимъ надеждамъ,
Летали бы и чувства всѣ мои.
Я вырывалъ бы травку поминутно,
Чтобъ узнавать, откуда вѣтеръ; я
Разсматривалъ бы въ картахъ безпрестанно
Всѣ гавани и пристани — и все,
Что породить могло бы опасенье
Несчастія съ имуществомъ моимъ,
Печаль въ меня всеяло бы, конечно.

САЛАРИНО.

Я, каждый разъ, какъ мой горячій супъ
Дыханіе мое бы охлаждало,
И самъ бы стылъ отъ ужаса, при мысли
О той бѣдѣ, что можетъ натворить
Въ открытомъ море слишкомъ сильный вѣтеръ;
Не могъ бы я ни разу на часы
Песочные взглянуть, чтобъ не подумать
Объ отмеляхъ песчаныхъ — и о томъ,
Что мой корабль, быть можетъ, погрузился
Въ морской песокъ и ниже, чѣмъ бока,
Склонилъ главу, чтобы свою могилу
Поцѣловать. Войдя въ священный храмъ
И бросивъ взглядъ на каменные стѣны
Я могъ ли бы не вспомнить въ тотъ же мигъ
О гибельныхъ утесахъ, что малѣйшимъ
Толчкомъ въ корабль мой нѣжный могутъ вдругъ
Всѣ пряности его разсѣять въ море
И тканями шелковыми его
Одѣть валы бунтующаго моря?
Короче — могъ ли я при этомъ всемъ
Не представлять себѣ, что все богатство
Вдругъ сдѣлалось ничтожествомъ? Могу ль

Я мысль мою удерживать на мысли
Объ этомъ всемъ, безъ мысли, что такимъ
Несчастіемъ я былъ бы опечалень?
Не спорьте: я увѣренъ — оттого
Антоніо груститъ, что вспоминаетъ
Про свой товаръ.

АНТОНІО.

Совсѣмъ не оттого —
Повѣрьте мнѣ. Я очень благодаренъ
Своей судьбѣ: не ввѣренъ мой товаръ
Единственному судну или мѣсту;
Не отдано имущество мое
Въ зависимость отъ нынѣшняго года.
Итакъ, меня печалить не дѣла
Торговья.

САЛАРИНО.

Такъ, значитъ, вы влюбились?

АНТОНІО.

О, нѣтъ!

САЛАРИНО.

Какъ — нѣтъ? и не влюбились? Ну,
Такъ скажемъ такъ: вы оттого печальны,
Что просто вамъ не весело; могли бы
Вы точно также хохотать и прыгать,
И говорить: «я весель оттого,
Что не грущу!» О, Янусъ двуголовый,
Клянусь тобой: забавныхъ чудаковъ
Въ свои часы природа сотворяетъ:
Одинъ — гляди — все щурится и все
Хохочетъ, точно попугай, слышавъ
Волюнки звукъ; а у другого видъ
Такъ укусенъ, что увѣряй самъ Несторъ,
Что вещь смѣшна, не обнаружить онъ
Своихъ зубовъ улыбкою веселой.
Входятъ БАССАНІО, ЛОРЕНЦО и ГРАЦІАНО.

СОЛАНІО.

Вотъ родственникъ достопочтенный вашъ,
Бассаніо, съ Лоренцо и Граццано.
Прощайте: мы васъ оставляемъ въ лучшемъ
Сообществѣ.

САЛАРИНО.

Остался бѣ съ вами я,
Пока бы вы не стали веселѣе,
Но болѣе достойные друзья
Меня предупредили.

АНТОНІО.

Вашей дружбѣ
Я придаю большую цѣну. Мнѣ
Сдается такъ, что есть у васъ другія

Свои дѣла и что такой предлогъ
Сыскали вы, чтобы уйти отсюда.

САЛАРИНО.

Привѣтъ мой, вамъ синьоры.

БАССАНИО.

Что жъ, когда

Мы съ вами вновь, синьоры, похочемъ?

Мы видимся ужъ слишкомъ рѣдко. Развѣ

Такъ быть должно?

САЛАРИНО.

Мы оба вамъ готовы

Всегда служить въ свободные часы.

(Саларино и Соланио уходятъ.)

ЛОРЕНЦО.

Бассанио, теперь, когда нашли вы

Антонио — уходимъ мы вдвоемъ.

Но не забыть прошу, гдѣ въ часъ обѣда

Мы встрѣтятся условились.

БАССАНИО.

Приду

Навѣрное.

ГРАЦИАНО.

Антонио, вы чѣмъ-то

Разстроены. Ужъ слишкомъ много вы

Заботитесь объ этой жизни. Право,

Тотъ жизнь свою теряетъ, кто ее

Излишествомъ заботъ пріобрѣтаетъ.

Повѣрьте мнѣ, есть перемѣна въ васъ

Престранная.

АНТОНИО.

Я этотъ міръ считаю

Лишь тѣмъ, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ онъ:

Подмостками, гдѣ роль играть всѣ люди

Обязаны; а мнѣ досталась роль

Печальная.

ГРАЦИАНО.

Такъ мнѣ ужъ вы позвольте

Взять роль шута. Пускай покроюсь я

Морщинами при смѣхѣ и весельи!

Пусть лучше я разгорячу виномъ

Желудокъ мой, чѣмъ остужу все сердце

Стенаньями смертельными! Тому,

Въ чьихъ жилахъ кровь горячая струится,
Зачѣмъ сидѣть, какъ дѣдушка его,
Альбастровой статуей? спать въ то время,
Когда вполнѣ онъ бодрствуетъ? брюзжать
И злиться такъ, чтобъ желчь разлилась въ тѣлѣ?
Антонію, къ тебѣ привязанъ я —
И говоритъ во мнѣ любовь. Послушай,
Что я скажу: на свѣтѣ люди есть,
Чьи лица такъ недвижны, какъ болото
Стоячее; они всегда хранятъ
Упорное молчаніе, желая
Прослыть вездѣ за мудрецовъ большихъ,
Серьезнѣйшихъ философовъ, и будто
Вамъ говорятъ: «я — господинъ-пророкъ,
И ужъ когда я губы раскрываю,
Тогда молчать обязанъ каждый песь.»
О, милый мой, изъ нихъ я многихъ знаю,
Которые слывуть за мудрецовъ
Лишь потому, что никогда ни слова
Не говорятъ; а между тѣмъ — вполнѣ
Увѣренъ я — рѣшились они немного

386

Заговорить — ихъ слушатели всѣ
Терзались бы, необходимость видя
Болванами назвать собратьевъ. Я
Подробнѣе поговорю объ этомъ
Съ тобой потомъ, лишь перестань ловить
На удочку печали мнѣнне свѣта,
Служащее плотвою дуракамъ.
Теперь идемъ, Лоренцо мой. Покамѣстъ
Прощайте. Тамъ, какъ кончимъ мы обѣдъ,
И рѣчь свою я кончу.

ЛОРЕНЦО.

До свиданья:
Мы до обѣда оставляемъ васъ.
Должно быть, я къ тѣмъ мудрецамъ безмолвнымъ
Принадлежу, затѣмъ, что никогда
Поговорить не дастъ мнѣ Граціано.

ГРАЦИАНО.

Да, поживи еще хоть года два
Со мной вдвоемъ — и собственный свой голосъ

Забудешь ты.

АНТОНІО.

Прощайте. Болтуномъ
Я сдѣлаюсь въ компаньи вашей.

ГРАЦІАНО.

Это
Пріятно мнѣ; вѣдь, только въ двухъ вещахъ
Безмолвіе — одно изъ качествъ важныхъ:
Въ копченыхъ языкахъ и дѣвахъ непродажныхъ.
(Граціано и Лоренцо уходятъ.)

АНТОНІО. Заключается ли что-нибудь во всѣхъ этихъ словахъ?

БАССАНІО. Ни одинъ человекъ во всей Венеціи не умѣетъ произносить такое безчисленное множество ничего незначащихъ словъ, какое произноситъ Граціано. Его разсужденія — точно два зерна пшеницы, спрятанныя въ двухъ мѣрахъ соломы. Чтобы найти ихъ, нужно искать цѣлый день, а найдешь — оказывается, что они не стоили поисковъ.

АНТОНІО.

Ну, хорошо. Теперь скажите мнѣ,
Кто дама та, которой поклоняться
Вы поклялись и о которой мнѣ
Вы рассказать сегодня обѣщали?

БАССАНІО.

Антоніо, не безызвѣстно вамъ,
Какъ сильно я дѣла свои разстроилъ,
Живя пышнѣй, чѣмъ позволяли мнѣ
Мои, совсѣмъ не важные, ресурсы.
Я не скорблю о томъ, что не могу
Жить долѣе такъ весело и пышно,
Но главная забота у меня —
Какъ заплатить долги мои большіе,
Въ которые я мотовствомъ своимъ
Былъ вовлеченъ. Вамъ я обязанъ больше,
Антоніо, чѣмъ всѣмъ другимъ друзьямъ
И деньгами, и дружбой. Эта дружба
Порукой мнѣ, что я могу открыть
Вамъ планы всѣ и всѣ предположенья,
Которыя я сдѣлалъ для того,
Чтобъ отъ долговъ совсѣмъ себя очистить.

АНТОНІО.

Скажите все, прошу васъ, добрый мой
Бассаніо; и если эти планы,
Какъ сами вы, не отвращаютъ глазъ
Отъ честности, то васъ могу увѣрить,

Что кошелекъ и самого себя,
И средства всѣ послѣднія открою
Для вашихъ нуждъ.

БАССАНІО.

Еще ребенкомъ я,
Когда стрѣлу мнѣ потерять случилось,
Сейчасъ металъ другую вслѣдъ за ней,
Такую же и въ томъ же направленьи,
Но ужъ за ней внимательнѣй слѣдилъ,
Чтобъ первую найти — и такъ, рискуя
Объими, я обѣ иногда
Отыскивалъ. Такой примѣръ изъ дѣтскихъ,
Невинныхъ лѣтъ, привелъ я потому,
Что и слова, которыя хочу я
Сейчасъ сказать, вполнѣ невинны. Другъ
Антоніо, я задолжалъ вамъ много,
И все, что вы мнѣ дали, потерялъ,
Какъ юноша безпутнѣйшій; но если
Рѣшитесь вы второй стрѣлой метнуть
Въ ту сторону, куда метнули первой,
То я вполнѣ увѣренъ, что, слѣдя
Внимательно, иль обѣ отыщу я,
Иль принесу вторую вамъ назадъ,
И должникомъ признательнымъ останусь
За первую.

АНТОНІО.

Вы знаете меня
И тратите лишъ время въ изворотахъ
Вокругъ моей привязанности къ вамъ,
И — вѣрьте мнѣ — сомнѣнью подвергая
Мою любовь, вы болѣе меня
Печалите, чѣмъ если бъ промотали
Вы все мое имущество. Итакъ,
Скажите лишъ — что я обязанъ сдѣлать,
И что могу, по мнѣнью твоему,
Я все готовъ исполнить. Говори же.

БАССАНІО.

Наслѣдница богатая живетъ
Въ помѣстїи Бельмонтѣ; и прекрасна
Она лицомъ, и тѣмъ еще прекраснѣй,
Что чудныхъ добродѣтелей полна.
Уже не разъ посланія нѣмыя,
Прелестныя изъ милыхъ глазъ ея
Я получалъ. Знай — Порція ей имя,
И Порція, Катона дочь и Брута

Достоинства ея не безызвѣстны
Вселенной всей: четыре вѣтра къ ней
Изъ всякихъ странъ наносятъ самыхъ знатныхъ
Искателей; какъ солнце, блещутъ кудри,
И золотымъ руномъ съ висковъ бѣгутъ,
И дѣлаютъ ея Бельмонтскій замокъ
Колхидою, куда ужъ не одинъ
Герой-Язонъ являлся за побѣдой.
О, другъ, имѣй я средство для того,
Чтобъ между нихъ соперникомъ явиться —
Душа моя предсказываетъ мнѣ,
Что я бѣ успѣлъ, и счастливъ былъ навѣрно.

АНТОНІО.

Ты знаешь самъ — имущество мое
Все на морѣ; нѣтъ у меня ни денегъ,
Ни средствъ достать сейчасъ же капиталъ.
Ступай, ищи, развѣдай — сколько силы
Въ Венеціи имѣеть мой кредитъ;
Его готовъ я выжать до копѣйки,
Чтобъ снарядить, какъ слѣдуетъ, тебя
Въ Бельмонтъ, къ прекрасной Порціи. Ступай же,
Развѣдывай; я тоже поищу,
Гдѣ деньги есть — и можетъ быть едва ли,
Чтобъ мнѣ и подъ мою поруку отказали.
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Бельмонтъ. Комната въ домѣ Порціи.

Входятъ Порція и Нерисса.

ПОРЦІЯ. Право, Нерисса, моему маленькому тѣлу уже не подъ силу этотъ большой міръ.

НЕРИССА. Такъ бы оно и было, если бы вы настолько же бѣдствовали, насколько вы счастливы; но, видно, тѣ, которые черезчуръ много ѣдятъ, болѣютъ точно такъ же какъ и тѣ, которые мучатся голодомъ. Потому-то среднее состояніе не маловажное счастье. Излишество скоро доживаетъ до сѣдыхъ волосъ, а умѣренность живетъ долго.

ПОРЦІЯ. Хорошія правила и хорошо сказаны.

НЕРИССА. Они были бы еще лучше, если бы ихъ исполняли, какъ

должно.

ПОРЦІЯ. Если бы дѣлать было такъ же легко, какъ знать, что слѣдуетъ дѣлать — часовни были бы церквами, а избы бѣдныхъ людей — царскими дворцами. Тотъ хорошій проповѣдникъ, кто слѣдуетъ своимъ собственнымъ побужденіямъ: мнѣ легче научить двадцать человѣкъ тому, что они должны дѣлать, чѣмъ быть одною изъ этихъ двадцати и слѣдовать моимъ собственнымъ наставленіямъ. Мозгъ можетъ изобрѣтать законы для крови, но горячая натура перепрыгиваетъ черезъ холодное правило. Безумная молодость — заяцъ, перескакивающій черезъ капканы, которые ставитъ ему благое разуміе. Но такое разсужденіе не кстати теперь, когда мнѣ предстоитъ выбрать себѣ мужа. Увы! къ чему я говорю: «выбрать?» Я не имѣю права ни избрать того, кого сама желала бы, ни отказать тому, кто мнѣ не нравится. Такъ воля живой дочери склоняется подъ волею умершаго отца! Не жестоко ли, Нерисса, что я не могу никого выбрать и никому отказать?

НЕРИССА. Вашъ отецъ былъ всегда добродѣтельнымъ человѣкомъ, а къ святымъ людямъ въ минуту смерти приходятъ благія мысли. Потому-то эта, придуманная имъ лоттерея, по которой вы будете принадлежать тому, кто угадаетъ его намѣреніе при выборѣ одного изъ трехъ ящичковъ — золотого, серебрянаго и свинцоваго — безъ сомнѣнія, выиграется только человѣкомъ, искренно любящимъ васъ. Но скажите, чувствуете ли вы горячую привязанность къ какому-нибудь изъ царственныхъ жениховъ, уже появившихся передъ вами?

ПОРЦІЯ. Пожалуйста, перечисли мнѣ ихъ по именамъ; по мѣрѣ того, какъ ты будешь называть ихъ, я буду ихъ описывать, и, судя по моему описанію, ты заключишь о степени моей привязанности.

НЕРИССА. Во-первыхъ, принцъ Неаполитанскій.

ПОРЦІЯ. Ну, этотъ — родился въ конюшнѣ, потому что только и говоритъ, что о своей лошади и хвастается, какъ большимъ талантомъ, тѣмъ, что умѣетъ самъ подковывать ее. Мнѣ очень сдается, что его почтенная матушка сыграла въ фальшивую игру съ какимъ-нибудь кузнецомъ.

НЕРИССА. Затѣмъ — графъ Палатинскій.

ПОРЦІЯ. Этотъ только и дѣлаетъ, что морщитъ брови, какъ будто хочетъ сказать: «если вы не хотите меня, то рѣшайтесь». Онъ безъ улыбки слушаетъ веселые рассказы. Если ужъ въ молодости имъ овладѣла такая безнадежная угрюмость, то въ старости онъ, пожалуй, сдѣлается плачущимъ философомъ. Я лучше готова выйти за мертвую голову съ костью въ зубахъ, чѣмъ за одного изъ этихъ двухъ. Избави меня Господь отъ нихъ обоихъ!

НЕРИССА. Что вы скажете о французскомъ вельможѣ — мосье Ле Бонъ?

ПОРЦІЯ. Его создалъ Богъ — такъ пусть онъ и слыветъ человѣкомъ. Право, я знаю, что насмѣхаться грѣшно; но этотъ

французъ... У него лошадь лучше, чѣмъ у неаполитанца; скверная привычка морщить брови у него лучше, чѣмъ у палатинскаго графа; онъ — всѣ люди и

вмѣстѣ съ тѣмъ никто. Стоитъ дрозду запѣть — онъ тотчасъ же подпрыгиваетъ; онъ готовъ сражаться съ своею собственною тѣнью. Выйдя за него, я вышла бы за двадцать человѣкъ; если бы онъ даже презиралъ меня, я прощала бы ему это, потому что люби онъ меня хоть до безумія, мое сердце никогда бы ему не отвѣчало.

НЕРИССА. Ну, такъ что вы скажете о Фальконбриджѣ, молодомъ англійскомъ баронѣ?

ПОРЦІЯ. Ты знаешь, что я и не говорю съ нимъ ни слова, потому что мы не понимаемъ другъ друга; онъ не говоритъ ни по-латыни, ни по-французски, ни по-италіански; а ты можешь присягнуть передъ судомъ, что я ни на грошъ не знаю по-англійски. По фигурѣ онъ образецъ порядочнаго человѣка, но — увы! — кто можетъ разговаривать съ нѣмою куклой? Какъ странно онъ одѣвается! Мнѣ кажется, что камзолъ свой онъ купилъ въ Италіи, панталоны — во Франціи, шляпу въ Германіи, а манеры — во всѣхъ странахъ.

НЕРИССА. Какого вы мнѣнія о его сосѣдѣ шотландскомъ лордѣ?

ПОРЦІЯ. Я думаю, что въ немъ есть чувство милосердія къ своимъ сосѣдямъ, потому что онъ взялъ займы у англичанина пощечину и поклялся, что отдастъ ее ему, когда будетъ въ состояніи. Кажется, французъ поручился въ томъ и обязался подпиской.

НЕРИССА. Какъ вамъ нравится молодой нѣмецъ, племянникъ герцога саксонскаго?

ПОРЦІЯ. Онъ отвратителенъ по утрамъ, когда трезвъ и еще отвратительнѣе послѣ обѣда, когда пьянъ. Въ свои лучшія минуты онъ немного хуже, чѣмъ человѣкъ; въ худшія — немного лучше звѣря. Какое бы несчастіе ни постигло меня, я, все-таки, надѣюсь, что найду средство не попасть въ руки этого человѣка.

НЕРИССА. Значитъ если онъ захочетъ попытаться счастья и угадаетъ, какой ящичекъ надо выбрать, вы, отказавъ ему въ своей рукѣ, откажетесь вмѣстѣ съ тѣмъ исполнить волю вашего отца.

ПОРЦІЯ. Чтобъ избѣжать этого несчастья, поставь, пожалуйста, на невыигрышный ящикъ большой стаканъ рейнвейна; тогда, будь внутри этого ящика хоть самъ дьяволъ, а на крышкѣ его этотъ соблазнъ, нѣмецъ непременно выберетъ его. Я готова скорѣе рѣшиться на все на свѣтѣ, чѣмъ сдѣлаться женою губки.

НЕРИССА. Вамъ нечего бояться, синьора: вы не достанетесь ни одному изъ этихъ господъ. Они уже сообщили мнѣ свое рѣшеніе — вернуться домой и перестать беспокоить васъ своимъ искательствомъ, развѣ только для того чтобъ получить васъ, найдется какое нибудь другое средство, кромѣ предложеннаго вашимъ отцомъ.

ПОРЦІЯ. Хотя бы мнѣ пришлось дожить до старости Сивиллы, я умру цѣломудренною, какъ Діана, если никому не удастся получить меня согласно съ волей моего отца. Я очень рада, что эта толпа вздыхателей такъ благоразумна, потому что изъ всѣхъ ихъ нѣтъ ни одного, отсутствія котораго я не желала бы отъ всего сердца — и я всѣмъ имъ желаю счастливаго пути.

НЕРИССА. Помните ли вы, синьора, одного венеціанца, ученаго и храбреца, который, еще при жизни вашего отца, пріѣзжалъ сюда съ

маркизомъ Монферратомъ?

ПОРЦІЯ. Да, да, это былъ Бассаніо. Кажется его такъ зовутъ?

НЕРИССА. Такъ, синьора. Изъ всѣхъ людей, которыхъ видѣли мои глупые глаза, онъ больше всѣхъ достоинъ прекрасной женщины.

ПОРЦІЯ. Я хорошо помню его — и помню, что онъ заслуживаетъ твою похвалу.

Входитъ СЛУГА.

СЛУГА. Синьора, четыре чужестранца ищутъ васъ, чтобъ проститься съ вами. Кромѣ того, пріѣхалъ передовой отъ пятаго, принца мароккского. Онъ объявилъ, что принцъ, его повелитель, будетъ здѣсь сегодня вечеромъ.

ПОРЦІЯ. Если бъ этому пятому я могла сказать «здравствуйте» такъ же охотно, какъ говорю этимъ четверемъ «прощайте» — его пріѣздъ порадовалъ бы меня; если у него характеръ святаго, а лицо — чорта, я желаю имѣть его лучше своимъ духовникомъ, чѣмъ мужемъ. Пойдемъ, Нерисса. (*Слугъ.*) Ты же ступай впередъ. Въ ту самую минуту, какъ мы запираемъ ворота за однимъ, другой стучится въ дверь. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА III.

Венеція. Площадь.

Входитъ Бассаніо и Шейлокъ.

ШЕЙЛОКЪ. Три тысячи червонцевъ? Хорошо.

БАССАНИО. Да, синьоръ, на три мѣсяца.

ШЕЙЛОКЪ. На три мѣсяца? Хорошо.

БАССАНИО. За уплату, какъ я уже сказалъ вамъ, поручится Антоніо!

ШЕЙЛОКЪ. Антоніо поручится? Хорошо.

389

БАССАНИО. Можете ли вы помочь мнѣ? Можете ли сдѣлать мнѣ удовольствіе? Узнаю ли я вашъ отвѣтъ?

ШЕЙЛОКЪ. Три тысячи червонцевъ, на три мѣсяца и за поручительствомъ Антоніо.

БАССАНИО. Что жъ вы отвѣтите?

ШЕЙЛОКЪ. Антоніо — хорошій человѣкъ.

БАССАНИО. Развѣ вы слышали когда-нибудь, что это неправда?

ШЕЙЛОКЪ. О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Словами: «онъ хорошій человѣкъ» я хочу сказать, понимаете, что у него есть, чѣмъ заплатить. Но его ресурсы не у него въ рукахъ. Одинъ изъ его кораблей плыветъ въ Триполисъ, другой — въ Индію; кромѣ того, я узналъ на Ріальто, что третій корабль онъ отправилъ въ Мексику, четвертый — въ Англію, а остальные суда тоже разбѣяны по разнымъ странамъ. Но суда — вѣдь, только доски, а матросы — люди; на свѣтъ жъ живутъ земляныя и водяныя крысы, а также земляные и водяные воры, то-

есть пираты. Да и кромѣ того, опасны волны, вѣтры и скалы. Но у Антоніо, все-таки, есть, чѣмъ заплатить. Три тысячи червонцевъ? Я полагаю, что можно взять его вексель.

БАССАНІО. Будьте увѣрены, что можно.

ШЕЙЛОКЪ. Я желаю быть увѣреннымъ, что можно — и, чтобъ увѣриться, хочу пообдумать. Могу я поговорить съ Антоніо?

БАССАНІО. Для этого неудобно ли вамъ пообѣдать съ нами?

ШЕЙЛОКЪ. Да — чтобъ нюхать свинину, чтобъ ѣсть изъ сосуда, въ который вашъ пророкъ загналъ заклинаніями дьявола! Я готовъ покупать съ вами, продавать съ вами, разговаривать съ вами, прогуливаться съ вами и такъ далѣе; но я не стану ни ѣсть съ вами, ни пить съ вами, ни молиться съ вами. Что новаго на Ріальто? Кто это идетъ сюда?

Входитъ Антоніо.

БАССАНІО. Это синьоръ Антоніо.

ШЕЙЛОКЪ (*въ сторону*).

Его за то такъ ненавижу я,
Что онъ христіанинъ; но вдвое больше
Еще за то, что въ гнусной простотѣ
Взаймы даетъ онъ деньги безъ процентовъ
И роста курсъ сбиваетъ между насъ,
Въ Венеціи. Пусть мнѣ хоть разъ одинъ
Ему бока пощупать доведется —
Ужъ ненависть старинную свою
Я уголю. Святое наше племя
Не терпитъ онъ, и даже въ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ сходятся купцы между собою,
Ругаетъ онъ меня, мои дѣла,
И мой барышъ законный называетъ
Онъ лихвою. Будь проклято мое
Колѣно все, когда ему прощу я!

БАССАНІО.

Послушайте!

ШЕЙЛОКЪ.

Наличный мой запасъ
Считаю я на память; по разсчету
Выходитъ такъ, что вдругъ собрать для васъ
Три тысячи червонцевъ не могу я.
Но все равно. Тубаль, богачъ-еврей,
Поможетъ мнѣ. Однако, погодите:
Какой вы срокъ назначите?
(*Обращаясь къ Антоніо.*) Синьоръ
Почтеннѣйшій, желаю вамъ здоровья!
У насъ теперь рѣчь именно была
О васъ.

АНТОНІО.

Шейлокъ, хотя обыкновенья
Нѣтъ у меня ни брать, ни одолжать,
Чтобъ не платить и не вѣзять процентовъ,
Но правило свое нарушу я,
Чтобъ выручить изъ крайняго стѣсненья
Пріятеля. (Къ *Бассаніо*.) Извѣстно ли ему —
Вы сколько взять желаете?

ШЕЙЛОКЪ.

Да, знаю:
Три тысячи червонцевъ.

АНТОНІО.

И на срокъ
Трехмѣсячный.

ШЕЙЛОКЪ.

Я и забылъ. Да, точно,
Три мѣсяца и поручитель — вы.
Сообразимъ. Послушайте, однако:
Вы, кажется, сказали, что у васъ
Привычки нѣтъ ни брать, ни дѣлать ссуды
Съ процентами?

АНТОНІО.

Не поступаю такъ
Я никогда.

ШЕЙЛОКЪ.

Когда овецъ Лавана
Иаковъ пасъ, Иаковъ этотъ былъ —
Онъ матери своей премудрой этимъ
Обязанъ — былъ онъ третьимъ по числу
Преемникомъ святого Авраама.
Да, третьимъ, такъ.

АНТОНІО.

Ну, что же изъ того?
Проценты бралъ, онъ, что ли?

ШЕЙЛОКЪ.

Нѣтъ, процентовъ
Не бралъ онъ; нѣтъ тутъ не было того,
Что прямо вы процентами зовете.
Послушайте, что сдѣлалъ онъ. Лаванъ
Съ нимъ заключилъ условье, что ягнята,
Пелесые и пестренькіе, всѣ

Иакову служить наградой будутъ
 За трудъ его. Когда пришла пора
 Осенняя, овечки въ вождельньи
 Пошли къ своимъ баранамъ — и начался
 Межъ этою лохматою породой
 Созданья трудъ. Тогда хитрецъ-пастухъ
 Сталъ обдирать кору съ вѣтвей древесныхъ
 И вѣтви тѣ предъ каждою овцой
 Втыкалъ въ моментъ ея совокупленья —
 И овцы зачинали, и потомъ
 Рождались все пестрые ягнята —
 И было все Иаковле. Такой
 Онъ путь избралъ для барыша — и небомъ
 Благословенъ онъ былъ. Итакъ барышъ
 Некраденый — благословенье неба.

АНТОНІО.

Иаковъ тутъ служилъ на рискъ, синьоръ:
 Не отъ него зависѣла удача;
 Его барышъ былъ божьею рукой
 Опредѣлень и сдѣланъ. Развѣ этимъ
 Хотите вы проценты оправдать?
 Иль серебро и золото у васъ
 Одно и то жъ, что овцы и бараны?

ШЕЙЛОКЪ.

Какъ вамъ сказать — я быстро ихъ пложу.
 Послушайте, однако.

АНТОНІО.

Вотъ, Бассаньо,
 Замѣть себѣ: ссылаться можетъ чортъ
 На доводы священнаго писанья.
 Когда душа порочная беретъ
 Въ защитники свидѣтельство святое,
 Она — злодѣй съ улыбкой на устахъ,
 Красивый плодъ съ гнилою сердцевиной.
 О, какъ на видъ всегда красива фальшь!

ШЕЙЛОКЪ.

Три тысячи червонцевъ! Это сумма
 Почтенная. Три мѣсяца изъ году —
 Сообразимъ, процентовъ сколько тутъ

Приходится?

АНТОНІО.

Ну, что жъ, Шейлокъ, скажите,
Хотите вы насъ одолжить?

ШЕЙЛОКЪ.

Синьоръ

Антоніо, припомните, какъ часто
Въ Ріальто вы ругались надо мной
Изъ-за моихъ же денегъ и процентовъ.
Я это все всегда переносилъ,
Съ терпѣніемъ плечами пожимая;
Терпѣніе жъ — наслѣдственный удѣлъ
Всей націи еврейской. Вы меня
Ругали псомъ, отступникомъ, злодѣемъ,
Плевали мнѣ на мой кафтанъ жидовскій,
И это все за то лишь, что своимъ
Я пользуюсь. Теперъ, какъ видно, помощь
Моя нужна — ну, что жъ! впередъ! и вы
Приходите ко мнѣ и говорите:
«Шейлокъ, намъ нужны деньги». Это вы
Такъ просите, вы, часто такъ плевавшій
Мнѣ въ бороду, дававши мнѣ пинки,
Какъ-будто псу чужому, что забрался
На вашъ порогъ. Вамъ нужны деньги. Что жъ
Мнѣ слѣдуетъ отвѣтить? Не сказать ли:
«Да развѣ же имѣеть деньги песь?
Да развѣ же возможно, чтобъ собака
Три тысячи червонцевъ вамъ дала?»
Иль, можетъ-быть, я долженъ низко шляпу
Предъ вами снять и тономъ должника
Едва дыша, вамъ прошептатъ смиренно:
«Почтеннѣйшій синьоръ мой, на меня
Вы въ середу прошедшую плевали,
Въ такой-то день вы дали мнѣ пинка,
Въ другой — меня собакой обругали;
И вотъ теперъ, за ласки эти всѣ,
Я приношу вамъ столько-то и столько».

АНТОНІО.

Я и теперъ готовъ тебя назвать
Собакою и точно также плюнуть
Въ твое лицо, и дать тебѣ пинка.
Когда займы ты дать согласенъ деньги,
Такъ и давай — не какъ друзьямъ своимъ...

Ну видано ль, чтобъ дружба заставляла
Друзей платить проценты за металлъ
Безплоднѣйшій!.. нѣтъ, какъ врагу, скорѣе
Ты деньги дай, чтобъ, если въ срокъ тебѣ
Онъ не отдастъ, ты могъ, не церемонясь,
Съ него взыскать.

ШЕЙЛОКЪ.

Ну, посмотрите, какъ
Вспылили вы! Хотѣлось бы мнѣ съ вами
Друзьями быть, снискать у васъ любовь,
Забить позоръ, которымъ вы пятнали
Всегда меня, въ нуждѣ вамъ пособить,
Не взявъ за то процентовъ ни копѣйки
На собственныя деньги, а меня
И выслушать вы не хотите. Право,
По-дружески я предлагаю вамъ.

БАССАНИО.

Дѣйствительно по-дружески.

ШЕЙЛОКЪ.

И это
Я докажу. Къ натариусу мы
Сейчасъ пойдѣмъ; вы на простой роспискѣ
Подпишетесь, и такъ, для шутки, въ ней
Напишемъ мы, что если не внесете
Въ такой-то день, въ такомъ-то мѣстѣ мнѣ
Ту сумму всю, которая въ роспискѣ
Означится, то неустойкой съ васъ
Фунтъ вашего прекраснѣйшаго мяса
Послужитъ мнѣ — и буду властенъ я
Тамъ вырѣзать его, гдѣ пожелаю.

АНТОНИО.

Что жъ, я не прочь! Подъ векселемъ такимъ

Я подпишусь и объявлю, что жидъ
Безмѣрно добръ.

БАССАНИО.

Нѣтъ, векселя такого

Ты за меня не выдашь. Я готовъ
Скорѣй въ нуждѣ остаться.

АНТОНІО.

Э, не бойся:
Не будетъ мной просрочено. Еще
Два мѣсяца — такъ, стало быть, до срока
За тридцать дней — и долженъ получить
Я вдесятеро болѣе той суммы,
Что мы займемъ.

ШЕЙЛОКЪ.

О, отче Авраамъ!
Вотъ каковы всѣ эти христіане!
Ихъ собственная жесткость учить ихъ
Подозрѣвать въ другихъ дурныя мысли.
(Къ Бассанію.) Ну, сами вы скажите: если онъ
Въ срокъ не внесетъ — изъ этой неустойки
Что пользы мнѣ? Людского мяса фунтъ,
Вѣдь, цѣнится гораздо ниже мяса
Не только что барана, но козла.
Лишь для того ему услугу эту
Я предложилъ, чтобъ приобрѣсть себѣ
Его пріязнь. Согласенъ онъ — извольте!
Не хочеть онъ — прощайте, я прошу
За дружбу къ вамъ не обвинять Шейлока.

АНТОНІО.

Шейлокъ, готовъ я вексель подписать.

ШЕЙЛОКЪ.

Ступайте же къ нотаріусу: скоро
И я приду. Скажите тамъ ему,
Какъ написать забавный этотъ вексель,
А я пойду — червонцы соберу,
Да посмотрю, что дѣлается дома:
Онъ у меня оставленъ подъ присмотръ
Опаснѣйшій безпутнаго лакея.
Я къ вамъ приду немедленно.

(Уходитъ.)

АНТОНІО.

Ступай,
Мой милый жидъ. Онъ къ вѣрѣ христіанской
Навѣрно обратится; что-то сталъ
Онъ слишкомъ добръ.

БАССАНІО.

Тотъ человѣкъ мнѣ гадокъ,
Въ комъ мысли гнусныя, языкъ же льстивъ и сладокъ.

АНТОНІО.

Пойдемъ. Бояться намъ не слѣдуетъ жида:
До срока векселя придутъ мои суда.

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Бельмонтъ. Комната въ домѣ Порціи.

*Трубы. Входятъ Принцъ Мароккскій со свитой,
Порція, Нерисса и другія ея прислужницы.*

Принцъ Мароккскій.

Не отвергай меня изъ-за того,
Что черенъ я: то мрачная ливрея
Полуденнаго солнца — моего
Ближайшаго сосѣда и кормильца.
Пускай придетъ красивѣйшій сюда
Изъ всѣхъ людей, на сѣверѣ рожденныхъ,
Въ той сторонѣ, гдѣ ледъ едва-едва
Подъ фебовымъ огнемъ растаять можетъ;
Пусть изъ любви къ тебѣ и я, и онъ
Дадимъ себѣ разрѣзъ на кожѣ сдѣлать —
Увидите, чья будетъ кровь краснѣй.
Синьора, вѣрь — лицо мое въ храбрѣйшихъ
Всеяло страхъ; любовію моею
Клянусь тебѣ, прекраснѣйшія дѣвы
Моей страны смотрѣли на него
Съ любовію! Разстаться съ этимъ цвѣтомъ
Рѣшился бы я только для того,
Чтобъ у тебя твои похитить чувства,
Прекрасная владычица моя.

Порція.

Я въ выборѣ руковожусь не только
Совѣтами глазъ дѣвичьихъ; притомъ
Моя судьба въ рукахъ у лоттереи —
И выборомъ своимъ располагать

Не въ правѣ я; но если бѣ только воля
Отцовская не приказала мнѣ
Отдать, себя тому, кто завладѣеть
Моей рукой тѣмъ средствомъ, о которомъ
Я только что сказала вамъ, то вы,
Принцъ доблестный, могли бы точно такъ же
Искать моей пріязни, какъ и всѣ,
Кого я здѣсь до этихъ поръ встрѣчала.

Принцъ Мароккскій.

Благодарю васъ и за то. Теперь,
Пожалуйста, меня вы поведите
Къ тѣмъ сундучкамъ: я счастья хочу
Попробовать. Клянуся этой саблей,
Принесшей смерть Софи и одному
Персидскому владыкѣ — этой саблей,
Которою три славныя сраженья
Я выигралъ султану Сулиману,
Что я готовъ блескъ самыхъ смѣлыхъ глазъ
Затмить моимъ, и высшую отвагу,
Какая есть на свѣтѣ, одолѣть,
И медвѣжатъ отъ материнской груди
Прочь оторвать, и даже надо львомъ,
Алкающимъ добычи, издѣваться —

392

Все для того, чтобъ завладѣть тобой,
Красавица! Но, ахъ, межъ тѣмъ какъ Лихасъ
И Геркулесъ играютъ въ кости съ тѣмъ,
Чтобъ порѣшить, кто изъ двоихъ храбрѣе,
Вдругъ можетъ такъ случиться, что рука
Слабѣйшаго удачнѣй кости кинетъ —
И побѣдитъ Алкида пажъ его!
Ахъ, такъ и я, фортуною слѣпою
Руководимъ, могу то потерять,
Чѣмъ менѣе достойный завладѣеть,
И умереть отъ горя!

Порція.

Вы должны
Итти на рискъ: иль вовсе отказаться
Отъ выбора, иль — прежде чѣмъ начать —
Присягу дать, что если ошибетесь,
То ни одной изъ женщинъ никогда

Не будете вы говорить о бракѣ.
Поэтому подумайте.

ПРИНЦЪ МАРОККСКІЙ.

На все
Согласенъ я. Ведите къ лоттереѣ.

ПОРЦІЯ.

Сперва во храмъ; потомъ за столъ — а тамъ
Вы можете и счастья попытать.

ПРИНЦЪ МАРОККСКІЙ.

Идемъ! Судьба, ты дашь мнѣ счастье жизни всей,
Иль проклянешь навѣкъ немилостью своей.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Венеція. Улица.

Входитъ Ланчелотъ Гоббо.

Ланчелотъ. Безъ всякаго сомнѣнья, моя совѣсть позволитъ мнѣ убѣжать отъ этого жида, моего хозяина. Злой духъ толкаетъ меня подъ бокъ и соблазняетъ меня, говоря: «Гоббо, Ланчелотъ Гоббо, добрый Ланчелотъ, или добрый Гоббо, или добрый Ланчелотъ Гоббо, употреби въ дѣло свои ноги, наостри лыжи, удирай!» А совѣсть говоритъ: «Нѣтъ, берегись, честный Ланчелотъ, берегись, честный Гоббо, или — какъ выше сказано — честный Ланчелотъ Гоббо, не удирай, оставь ноги въ покоѣ». Ну, хорошо. Но дьяволъ все не отстаегъ и велитъ укладываться. «Маршъ!» говоритъ чортъ; «проваливай!» говоритъ чортъ; «ради самого неба, соберись съ духомъ!» говоритъ чортъ — «и бѣги!» Ну, хорошо. Но тутъ совѣсть бросается на шею къ моему сердцу и мудро говоритъ мнѣ: «мой честный другъ Ланчелотъ, такъ какъ ты сынъ честнаго человѣка» — или, вѣрнѣе, честной женщины, потому что, правду сказать, мой папенька иногда любилъ погулять: были у него кое-какіе вкусы. Итакъ совѣсть говоритъ мнѣ: «Ланчелотъ — ни съ мѣста!» — «Ступай!» говоритъ дьяволъ. — «Ни съ мѣста!» говоритъ моя совѣсть. — «Совѣсть», говорю я, «твой совѣтъ хорошъ. Дьяволъ», говорю я, «твой совѣтъ хорошъ!» Если повиноваться совѣсти, то слѣдуетъ остаться у жида, моего хозяина, который — прости меня Господи — тоже изъ дьяволовъ; если я убѣгу отъ жида, то послушаюсь чорта, который, съ позволенія сказать, ужъ настоящій чортъ. Нѣтъ сомнѣнія, что жидъ — воплощенный сатана, и, говоря по совѣсти, моя совѣсть — жестокая совѣсть, коли совѣтуетъ мнѣ оставаться у жида. Чортъ даетъ мнѣ болѣе дружескій совѣтъ. Я убѣгу, чортъ. Мои пятки къ твоимъ услугамъ.

Входитъ Старикъ Гоббо съ корзиной.

СТАРИКЪ ГОББО. Синьоръ, молодой человекъ, скажите мнѣ, пожалуйста, какъ тутъ пройти къ господину жидау?

ЛАНЧЕЛОТЬ (*въ сторону*). О, небо это мой законный отецъ! Онъ не только подслѣповать, но и совсѣмъ слѣпъ, и потому не узнаетъ меня. Сыграю съ нимъ какую-нибудь штуку.

СТАРИКЪ ГОББО. Синьоръ, молодой кавалеръ, пожалуйста, скажите, какъ пройти къ господину жидау?

ЛАНЧЕЛОТЬ. Поворотите направо при первомъ поворотѣ, а при самомъ первомъ — налево; но смотрите — при первомъ не сворачивайте ни вправо, ни влево, а идите прямо внизъ къ дому жида.

СТАРИКЪ ГОББО. Господи милосердый, эту дорогу не легко найдешь. Не можете ли сказать мнѣ: нѣкій Ланчелотъ, который живетъ у него — живетъ ли у него, или нѣтъ?

ЛАНЧЕЛОТЬ. Вы говорите о молодомъ синьорѣ Ланчелотѣ. (*Въ сторону*.) Замѣчайте-ка, какъ я пуцу въ ходъ фонтаны! (*Вслухъ*.) Вы говорите о молодомъ синьорѣ Ланчелотѣ?

СТАРИКЪ ГОББО. Не о синьорѣ, синьоръ, но о сынѣ бѣднаго человека; его отецъ — хотя это говорю я — честный и крайне бѣдный человекъ, но, слава Богу, держится на ногахъ.

ЛАНЧЕЛОТЬ. И прекрасно; пусть его отецъ будетъ, кѣмъ ему угодно — мы говоримъ о молодомъ синьорѣ Ланчелотѣ.

СТАРИКЪ ГОББО. О Ланчелотѣ, коли будетъ угодно вашей милости.

ЛАНЧЕЛОТЬ. Поэтому прошу васъ, старикъ, егго, я умоляю васъ — вы говорите о молодомъ синьорѣ Ланчелотѣ?

393

СТАРИКЪ ГОББО. О Ланчелотѣ, если позволить ваша милость.

ЛАНЧЕЛОТЬ. *Ergo*, о синьорѣ Ланчелотѣ. Не говорите о синьорѣ Ланчелотѣ, старикъ, ибо сей молодой синьоръ, по волѣ судьбы и рока, и, говоря подобнымъ ученымъ слогомъ, по волѣ трехъ сестеръ и другихъ отраслей наукъ, дѣйствительно скончался, или, какъ бы вы сказали безъ обиняковъ, отправился на тотъ свѣтъ.

СТАРИКЪ ГОББО. О, Господи спаси и помилуй! Вѣдь, этотъ малый былъ единственнымъ посохомъ моей старости, единственною моею подпорою.

ЛАНЧЕЛОТЬ. Да развѣ я похожъ на палку, или бревно, или посохъ, или подпорку? Знаете ли вы меня, отецъ?

СТАРИКЪ ГОББО. Ахъ, время, время! Я не знаю васъ, молодой синьоръ, но прошу васъ, скажите мнѣ, что мой малый — упокой Господи его душу — живъ или умеръ?

ЛАНЧЕЛОТЬ. Вы не узнаете меня, батюшка?

СТАРИКЪ ГОББО. Увы, синьоръ, я почти слѣпъ: я не знаю васъ.

ЛАНЧЕЛОТЬ. Правду сказать, не будь вы даже слѣпы, вы бы, пожалуй, все-таки не узнали меня. Мудръ тотъ отецъ, который узнаетъ свое собственное дитя. Хорошо, старикъ: я сообщу вамъ свѣдѣнія о вашемъ сынѣ. Благословите

меня! Правда должна обнаружиться. Убийство не может оставаться долго скрытымъ — сынъ чловѣка можетъ, но правда должна, наконецъ, обнаружиться.

СТАРИКЪ ГОББО. Пожалуйста — синьоръ — встаньте. Я увѣренъ, что вы не Ланчелотъ, мой сынъ.

ЛАНЧЕЛОТЪ. Пожалуйста, перестаньте шутить и дайте мнѣ ваше благословеніе: я Ланчелотъ, тотъ самый, который былъ вашимъ малымъ, есть вашъ сынъ и будетъ вашимъ ребенкомъ.

СТАРИКЪ ГОББО. Я не могу вѣрить, что вы мой сынъ.

ЛАНЧЕЛОТЪ. Я не знаю, что мнѣ думать на этотъ счетъ, но я Ланчелотъ, слуга жида и увѣренъ, что Маргарита, ваша жена — моя мать.

СТАРИКЪ ГОББО. Дѣйствительно, ее зовутъ Маргаритой; если ты Ланчелотъ, то я готовъ поклясться, что ты моя плоть и кровь. Да будетъ благословенъ Господь! Какая борода у тебя выросла! У тебя на подбородкѣ больше волосъ, чѣмъ у моей пристяжной лошади, Доббина, на хвостѣ.

ЛАНЧЕЛОТЪ. Надо, значить, полагать, что хвостъ Доббина растеть внутрь. Я увѣренъ, что въ послѣдній разъ, какъ я видѣлся съ нею, у нея на хвостѣ было больше волосъ, чѣмъ у меня на лицѣ.

СТАРИКЪ ГОББО. Господи, какъ ты измѣнился! Ну, какъ ты ладишь съ своимъ хозяиномъ? Я принесъ ему подарокъ. Какъ вы теперь ладите?

ЛАНЧЕЛОТЪ. Хорошо, хорошо. Но что касается меня и такъ какъ я рѣшился убѣжать отъ него, то не остановлюсь, пока не уйду подальше. Мой хозяинъ — сущій жидъ. Ему подарокъ! Вы лучше подарите ему веревку. Я у него съ голоду умираю; такъ исхудаль, что вы можете всѣ мои ребра по пальцамъ пересчитать. Я радъ, батюшка, что вы пришли. Отдайте лучше этотъ подарокъ Бассаніо: вотъ онъ, скажу по совѣсти, даетъ удивительныя новыя ливреи. Коли мнѣ не удастся поступить къ нему на службу, то я убѣгу въ такую даль, какая только у Господа Бога существуетъ. О, рѣдкое счастье! Вотъ и онъ самъ. Скорѣе къ нему, батюшка, потому что будь я жидъ, коли стану долѣ служить у жида.

Входятъ Бассаніо, Леонардо и другіе слуги.

БАССАНИО. Можешь это сдѣлать, но поторопись, потому что ужинъ долженъ быть готовъ, по крайней мѣрѣ, въ пять часовъ. Разошли эти письма по адресамъ, закажи ливреи и попроси Граціано зайти ко мнѣ.

(Одинъ изъ слугъ уходитъ.)

ЛАНЧЕЛОТЪ. Подойдите къ нему, батюшка.

СТАРИКЪ ГОББО. Богъ въ помощь вашей милости!

БАССАНИО. Очень благодаренъ. Что тебѣ нужно?

СТАРИКЪ ГОББО. Синьоръ, вотъ мой сынъ, бѣдный малый.

ЛАНЧЕЛОТЪ. Нѣтъ, синьоръ, не бѣдный малый, а богатаго жида слуга, который хотѣлъ бы, какъ объяснить вамъ мой папенька...

СТАРИКЪ ГОББО. Онъ, синьоръ, имѣетъ, какъ это говорится, большую склонность служить.

ЛАНЧЕЛОТЪ. Ну, да, словомъ сказать, я служу у жида и имѣю желаніе, какъ это объяснить вамъ мой папенька...

СТАРИКЪ ГОББО. Его хозяйинъ и онъ, не во гнѣвъ будь сказано вашей милости, живутъ ладно, какъ кошка съ собакой.

ЛАНЧЕЛОТЬ. Короче сказать, все дѣло въ томъ, что такъ какъ жидъ притѣсняетъ меня, то это заставляетъ меня, какъ сейчасъ мой папенька, съ божьею милостью старый человѣкъ, съ подробностью доложить вамъ...

СТАРИКЪ ГОББО. Тутъ у меня блюдо изъ голубей, которое я желалъ бы предложить вашей милости: а прошу я о томъ...

394

ЛАНЧЕЛОТЬ. Чтобъ совсѣмъ не тратить словъ: моя просьба очень меня интересуесть, какъ ваша милость узнаете отъ этого честнаго стараго человѣка, который, хоть это я говорю, хоть онъ старый человѣкъ, но онъ бѣдный человѣкъ и мой родитель.

БАССАНИО. Да говори кто-нибудь одинъ. Что вамъ нужно?

ЛАНЧЕЛОТЬ. Хочу служить у васъ, синьоръ.

СТАРИКЪ ГОББО. Да, вотъ это мы и хотѣли вамъ доложить, синьоръ.

БАССАНИО.

Тебя я знаю — и твое желанье
Исполнено. Шейлокъ, твой господинъ,
Со мною говорилъ еще сегодня —
И на твое согласенъ повышенье,
Коль можно повышеньемъ назвать
У богача жида оставить службу
И поступить къ такому бѣдняку.

ЛАНЧЕЛОТЬ. Старая пословица, синьоръ, отлично раздѣлилась на-двое между моимъ хозяиномъ Шейлокомъ и вами: у васъ милость Божья, а у него — деньги.

БАССАНИО.

Твои слова удачны. Ну, теперь,
Отецъ и сынъ, ступайте. Съ господиномъ
Своимъ простись и приходи ко мнѣ.

(Своимъ слугамъ.)

Снабдить его ливреей — покрасивѣй,
Чѣмъ у другихъ товарищей его.
Смотрите же, исполнить приказанье.

ЛАНЧЕЛОТЬ. Идемъ, родитель. А, такъ я не способенъ найти себѣ мѣста? А, такъ у меня нѣтъ языка въ головѣ? То-то! (Смотритъ на свою ладонь.) Ну, есть ли въ Италиіи человѣкъ, который могъ бы, принося присягу, положить на библию ладонь лучше этой? Ужъ я буду счастливъ — это вѣрно: посмотрите-ка на эту простую линію жизни. Вонъ сколько женъ тутъ обѣщается мнѣ! Увы,

пятнадцать женъ — это суціе пустяки! Одиннадцать вдовъ и девять дѣвушекъ — это только чуть-чуть въ пору одному мужчинѣ. А эта тройственная линія! А вотъ этотъ знакъ, говорящій, что мнѣ грозитъ опасность на краю перины! Пойдемъ, папенька: я въ одно мгновеніе прощусь съ жидомъ.

(Уходитъ съ Гоббо.)

БАССАНИО *(къ Леонарду)*.

Пожалуйста, мой добрый Леонардо,
Роспорядись; когда жъ закупишь все
И все совсѣмъ устроишь — возвращайся
Ко мнѣ скорѣй: сегодня угостить
Хочу друзей ближайшихъ. Поспѣши же.

ЛЕОНАРДО.

Употреблю всѣ силы для того.

Входитъ Граціано.

ГРАЦИАНО. Гдѣ твой господинъ?

ЛЕОНАРДО. Вотъ онъ прохаживается.

(Уходитъ.)

ГРАЦИАНО. Синьоръ Бассаніо!

БАССАНИО. Граціано!

ГРАЦИАНО. У меня есть къ вамъ просьба.

БАССАНИО. Заранѣ согласенъ!

ГРАЦИАНО. Вы не можете мнѣ отказать въ этомъ: я долженъ ѣхать съ вами въ Бельмонтъ.

БАССАНИО.

Коли должны, такъ ѣдемъ. Но, послушай,
Ты слишкомъ грубъ и дерзокъ на языкъ
И черезчуръ горячъ. Всѣ эти свойства
Къ тебѣ идутъ довольно хорошо
И нравятся такимъ глазамъ, какъ наши;
Но, вѣдь, для тѣхъ, которые тебя
Не знаютъ, ты ужъ черезчуръ свободнымъ
Покажешься. Поэтому прошу:
Принудь себя и въ духъ свой слишкомъ пылкій
Воздержности холодныхъ капель влей;
А то своимъ безумнымъ поведеніемъ,
Вѣдь, и меня уронишь ты — и я
Разбитыми увижу всѣ надежды.

ГРАЦИАНО.

Послушайте, синьоръ: коль не приму
Я скромную осанку и не стану
Почтительно бесѣдовать, и только

По временамъ ругаться, и носить
Молитвенникъ въ карманѣ, и смиренно
Склонять главу, и — что еще важнѣй —
Въ часы молитвъ скрывать вотъ такъ подъ шляпой
Свои глаза, и говорить «аминь»,
И воздыхать, и соблюдать престога
Всѣ правила приличія, какъ тѣ,
Которые умѣютъ притворяться
Святошами, чтобъ бабушкѣ своей
Понравиться — то можете не вѣрить
Мнѣ никогда.

БАССАНІО.

Ну, ладно — мы увидимъ.

ГРАЦІАНО.

Лишь нынѣшній я вечеръ исключаяю.
По нынѣшнему вечеру меня
Вы не судите!

БАССАНІО.

Это было бѣ жаль!
Напротивъ, я просилъ бы васъ облечься
Въ смѣлѣйшую веселость; къ намъ придутъ
Друзья затѣмъ, чтобъ въ волю посмѣяться.
Однакоже, есть дѣло у меня.
Прощай пока.

ГРАЦІАНО.

А я схожу къ Лоренцо.

395

И къ остальнымъ; но только что пробьетъ
Часъ ужина, мы снова ваши гости. (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Венеція. Комната въ домѣ Шейлока.

Входятъ ДЖЕССИКА и ЛАНЧЕЛОТЪ.

ДЖЕССИКА.

Мнѣ очень жаль, что ты отъ насъ уходишь:
Нашъ домъ — вѣдь, адъ, а ты, веселый чортъ,

Въ немъ истреблялъ отчасти запахъ скуки.
Ну, что жъ — прощай. Вотъ золотой тебѣ.
Ахъ, Ланчелотъ, за ужиномъ Лоренцо
Увидишь ты — онъ приглашень твоимъ
Хозяиномъ: отдай ему вотъ эту
Записочку, да только чтобъ никто
Не увидалъ. Прощай же. Не хочу я,
Чтобъ мой отецъ засталъ меня съ тобой.

ЛАНЧЕЛОТЪ. Адѣ! Слезы замѣняютъ мои слова. Прелестнѣйшая
язычница, восхитительнѣйшая жидовка! Если какой-нибудь христiанинъ не
смошенничаетъ, чтобъ завладѣть тобою, то я сильно обманусь въ своихъ
ожиданiяхъ. Но, адѣ! Эти глупыя слезы почти потопили мой мужественный
духъ. Адѣ!

(Уходитъ.)

ДЖЕССИКА.

Прощай, прощай, мой добрый Ланчелотъ!
Увы, какой я страшный грѣхъ свершаю
Тѣмъ, что стыжусь быть дочерью того,
Кто мой отецъ! Но только, вѣдь, по крови
Я дочь его, а не по чувствамъ. О,
Лоренцо мой, сдержи лишь обѣщанье —
И кончу я борьбу, и стану, милый мой,
И христiанкою, и любящей женой! *(Уходитъ.)*

СЦЕНА IV.

Венеція. Улица.

Входятъ Лоренцо, Грациано, Саларино и Соланю.

ЛОРЕНЦО.

Да, мы уйдемъ изъ-за стола украдкой
Ко мнѣ домой — переодѣться тамъ,
И черезъ часъ вернемся.

ГРАЦИАНО.

Не готовы
Достаточно мы къ этому.

САЛАРИНО.

Себѣ
Не наняли мы факельщиковъ даже.

СОЛАНЮ.

Коль это все не сдѣлать щегольски,

Такъ выйдетъ дрянъ; ужъ лучше намъ не браться,
Я думаю.

ЛОРЕНЦО.

Всего, вѣдь, пятый часъ —
Намъ два часа осталось, чтобъ собраться.

Входитъ Ланчелотъ съ письмомъ.

ЛОРЕНЦО.

Что новаго, пріятель Ланчелотъ?

Ланчелотъ. Если вамъ будетъ угодно распечатать это письмо, то, вѣроятно, оно сообщитъ вамъ новость.

ЛОРЕНЦО.

Знакомая рука — и, признаюсь,
Прелестная — бѣлѣе, чѣмъ бумага,
Которая той милою рукой
Исписана.

ГРАЦІАНО.

Любовное посланье?

Ланчелотъ. Точно такъ, синьоры, съ вашего позволенья. (*Идетъ.*)

Лоренцо. Куда ты идешь?

Ланчелотъ. Эхъ, синьоръ, иду приглашать моего прежняго господина, жида, на ужинъ къ моему новому хозяину — христіанину.

Лоренцо (*давая ему деньги*).

Постой, возьми — и Джессикъ прелестной
Скажи, что я приду къ ней. Да смотри,
Не попадись. Ступай же.

(Ланчелотъ уходитъ.)

Ну, синьоры,
Угодно вамъ итти на маскарадъ
Готовиться? Я факельщика нанялъ.

САЛАРИНО.

Да, такъ и быть — сейчасъ же я иду.

СОЛАНІО.

И я иду.

ЛОРЕНЦО.

Меня и Граціано
Вы черезъ часъ въ квартирѣ у него
Застанете. Мы ждемъ васъ.

САЛАРИНО.

Не замедлимъ.

(Уходятъ съ Соланіо.)

ГРАЦИАНО.

Отъ Джессики прелестной получилъ
Записку ты?

ЛОРЕНЦО.

Тебѣ во всемъ открыться
Обязанъ я: она мнѣ пишетъ, какъ
Ее могу я увезти изъ дома
Ея отца и сколько есть у ней
И золота, и драгоценныхъ камней —
И говорить, что припасла себѣ
Костюмъ пажы. Коль жидъ, ея родитель,
Когда-нибудь на небо попадетъ,
Такъ ради лишь своей прелестной дочки.
Ей поперекъ дороги никогда
Несчастіе не станеть, развѣ только

396

Подъ тѣмъ однимъ предлогомъ, что она —
Дочь мерзкаго жида. Пойдемъ. Ты это
Дорогою прочесть успѣешь. Мнѣ,
Другъ, Джессика факелоносцемъ будетъ.

(Уходятъ.)

СЦЕНА V.

Венеція. Мѣсто передъ домомъ Шейлока.

Входятъ Шейлокъ и Ланчелотъ.

ШЕЙЛОКЪ.

Ну, хорошо; своими же глазами
Всю разницу увидишь скоро ты
Межъ старикомъ Шейлокомъ и Бассаньо. —
Эй, Джессика! — Не будешь у него
Такъ сильно жрать, какъ у меня, бывало. —
Эй, Джессика! — Не будешь спать, храпѣть
И платья рвать. — Эй, Джессика! да гдѣ ты?

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Эй, Джессика!

ШЕЙЛОКЪ.

Тебѣ кто звать велить?

Вѣдь, отъ меня приказа ты не слышалъ.

ЛАНЧЕЛОТЬ. Ваша милость всегда говорили мнѣ, что я ничего не умѣю сдѣлать, пока мнѣ не прикажутъ.

Входитъ Джессика.

ДЖЕССИКА.

Вы кликали? Что будетъ вамъ угодно?

ШЕЙЛОКЪ.

На ужинъ я сегодня приглашенъ —
Такъ вотъ возьми ключи мои. Однако,
Зачѣмъ бы мнѣ итти туда? Меня
Не изъ любви, конечно, пригласили:
Они мнѣ льстятъ. Но все-таки пойду
И буду ѣсть изъ ненависти только:
Пусть платится мой христіанинъ мотъ!
Ну, Джессика, дитя мое, за домомъ
Ты присмотри. Какое-то несчастье
Готовится покою моему:
Сегодня мнѣ мѣшки съ монетой снились.

ЛАНЧЕЛОТЬ. Синьоръ, я умоляю васъ пожаловать: мой молодой господинъ ждетъ вашего прибытія.

ШЕЙЛОКЪ. Точно также и я жду свиданія съ нимъ.

ЛАНЧЕЛОТЬ. Они тамъ составили заговоръ. Я не говорю, что вы увидите маскарадъ; но если увидите, то не даромъ въ послѣдній чистый понедѣльникъ, въ шесть часовъ утра, у меня шла кровь изъ носу; а передъ этимъ въ послѣдній разъ она шла четыре года тому назадъ, въ пятницу на первой недѣлѣ поста, послѣ обѣда.

ШЕЙЛОКЪ.

Какъ, маскарадъ тамъ будетъ?

(*Джессикъ.*) Ну, послушай,

Дитя мое: всѣ двери ты запри,

И если стукъ услышишь барабана

Иль мерзкій пискъ искривленной трубы —

Не смѣй взлѣзать на окна и не суйся

На улицу, чтобъ милыхъ христіанъ

Съ раскрашенными рожамъ увидѣть.

Нѣтъ, уши ты въ моемъ дому заткни —

Я разумѣю окна; пусть въ жилище

Почтенное шумъ глупой суеты

Не проскользнетъ. Клянусь жезломъ священнымъ
Иакова, сегодня пировать
Внѣ дома мнѣ не хочется. Однако
Отправляюсь я.

(Ланчелоту.)

Ну, ты ступай впередъ —
Скажи, что я приду.

ЛАНЧЕЛОТЪ.

Я отправляюсь
Впередъ, синьоръ.

(Тихо Джессикъ.)

Не слушайте его
И все-таки въ окошко посмотрите:
Пройдетъ христіанинъ, синьора,
Достойный еврейскаго взора.

(Уходитъ.)

ШЕЙЛОКЪ.

Что этотъ шутъ изъ племени Агари
Сказалъ тебѣ?

ДЖЕССИКА.

«Прощайте», онъ сказалъ —
И больше ничего.

ШЕЙЛОКЪ.

Онъ добрый малый,
Но страшно жреть; въ работѣ, какъ улитка,
Онъ мѣшкаетъ и спитъ по цѣлымъ днямъ,
Какъ дикій котъ. Пускать въ свой улей трутней
Я не хочу; затѣмъ-то и его
Я отпустилъ и уступилъ другому,
Чтобъ этому другому онъ помогъ
Опустошить весь кошелекъ заемный.
Ну, Джессика, ступай теперь домой;
Быть можетъ, я и возвращусь сейчасъ же.
Все сдѣлай такъ, какъ я сказалъ. Запри
Всѣ двери за собой. Ты знаешь
Пословицу: запрешь плотнѣй, найдешь вѣрнѣй;
Она всегда въ умахъ расчетливыхъ людей.

(Уходитъ.)

ДЖЕССИКА *(смотря ему вслѣдъ)*.

Прощайте! Лишь бы мнѣ судьба не помѣшала:
Дочь потеряли вы, отца я потеряла.

(Уходитъ.)

397

СЦЕНА VI.

Тамъ же.

Входятъ Граціано и Саларино замаскированные.

ГРАЦИАНО.

Вотъ тотъ навѣсъ, гдѣ мнѣ съ тобой Лоренцо
Свиданіе назначилъ.

САЛАРИНО.

Чась его
Почти прошель.

ГРАЦИАНО.

И диво мнѣ, какъ это
Онъ опоздалъ; бѣгутъ скорѣй часовъ
Любовники.

САЛАРИНО.

О, голуби Венеры,
Когда они стремятся заключить
Любви союзъ, то въ десять разъ быстрѣе
Летятъ, чѣмъ въ тѣ часы, когда должны
Не нарушать клятвъ, прежде данныхъ.

ГРАЦИАНО.

Это
Всегда ужъ такъ. Никто изъ-за стола
Не можетъ встать съ такимъ же аппетитомъ,
Съ какимъ онъ сѣлъ. Нѣтъ лошади такой,
Которая обратною дорогой
Бѣжала бъ такъ безумно-горячо,
Какъ начала. За всякой вещью въ свѣтѣ
Мы гонимся усерднѣе тогда,
Когда еще не насладились ею.
На юношу и мота какъ похожъ
Корабль, когда, весь флагами украшень,

Изъ гавани родной выходитъ онъ,
Лобзаемый зефиромъ сладострастнымъ.
И какъ похожъ на мота онъ, когда
Придетъ назадъ, съ помятыми боками
И съ парусомъ изорваннымъ, худой,
Замученный зефиромъ сладострастнымъ.

Входитъ Лоренцо.

САЛАРИНО.

А, вотъ и онъ. Объ этомъ мы еще
Поговоримъ.

Лоренцо.

Любезные друзья,
Простите мнѣ такое промедленье.
Виной тому не я — мои дѣла.
Когда и вамъ красть женъ придетъ охота,
Я столько же васъ ожидать готовъ.
Подите-ка поближе — здѣсь живетъ
Мой тесть-еврей. Эй, кто тамъ?

Въ окнѣ показывается Джессика въ мужскомъ платьѣ.

ДЖЕССИКА.

Кто вы? Дайте
Скорѣй отвѣтъ, чтобъ больше я была
Увѣрена, хотя могу поклясться,
Что голосъ вашъ узнала.

Лоренцо.

Я — Лоренцо,
Твоя любовь.

ДЖЕССИКА.

Лоренцо — это такъ;
Моя любовь — дѣйствительно: на свѣтѣ
Я никого такъ сильно не люблю!
Но кромѣ васъ, извѣстно ли, Лоренцо,
Кому-нибудь, что также и меня
Вы любите?

Лоренцо.

Богъ, Джессика, и чувства
Твоей души свидѣтели тому.

ДЖЕССИКА.

Ловите-ка шкатулку эту: стоитъ

Она того. Я рада, что темно
И что меня не можете вы видѣть:
Мнѣ стыдно такъ костюма своего;
Но, вѣдь, любовь слѣпа, и тотъ, кто любитъ,
Не видитъ милыхъ шалостей своихъ:
Не то Амуръ сгорѣлъ бы отъ стыда,
Увидѣвши на мнѣ мужское платье.

ЛОРЕНЦО.

Сойди сюда — ты факель понесешь
Передо мной.

ДЖЕССИКА.

Какъ! освѣщать я буду
Сама свой стыдъ? Вѣдь, онъ и безъ того
Ужъ слишкомъ ясенъ. Мнѣ скрываться надо,
А это должность видная.

ЛОРЕНЦО.

Мой ангелъ,
И безъ того ты скрыта подъ своимъ
Прелестнѣйшимъ костюмомъ. Ну, сойди же
Скорѣ внизъ. Ночь скоро пролетитъ,
А насъ, вѣдь, ждетъ Бассаніо на ужинъ.

ДЖЕССИКА.

Я затворю всѣ двери, а себя
Позолочу червонцами побольше —
И къ вамъ.

ГРАЦІАНО.

Клянусь я шапкою — она
Прелестная и вовсе не жидовка.

ЛОРЕНЦО.

Будь проклятъ я, когда не отъ души
Ее люблю. Она умна, насколько
Могу судить; прелестна, если мнѣ
Мои глаза не говорятъ неправды;
Она вѣрна, что доказала мнѣ.
И потому, владѣя и умомъ,
И красотой, и вѣрностію, вѣчно
Въ моей душѣ жить будетъ.

Входитъ ДЖЕССИКА.

ЛОРЕНЦО.

Ты ужъ здѣсь?

Идемте жъ: насъ ужъ маски ожидаютъ.

(Уходитъ съ Джессикой и Саларино.)

Входитъ АНТОНИО замаскированный.

АНТОНИО.

Кто здѣсь?

ГРАЦИАНО.

Синьоръ Антонио — не вы ли?

АНТОНИО.

Фи, стыдъ какой! А гдѣ жъ всѣ остальные?
Десятый часъ; вѣдь, всѣ друзья васъ ждутъ.
Пиръ отмѣненъ; подулъ попутный вѣтеръ —
И потому Бассанио сейчасъ
Отправится. Я въ поиски за вами
Послалъ уже десятка два пословъ.

ГРАЦИАНО.

Я очень радъ. Меня надежда восхищаетъ,
Что нынче вечеромъ корабль нашъ отплываетъ.

(Уходятъ.)

СЦЕНА VII.

Бельмонтъ. Комната въ домѣ Порціи.

Трубы. Входятъ Порція и Принцъ Мароккскій; за нимъ и за нею — свита.

ПОРЦІЯ.

Отдерните намъ занавѣсь: откройте
Шкатулки всѣ. Ну, благородный принцъ,
Вы можете начать вашъ выборъ.

Принцъ Мароккскій (глядя на ящики).

Первый

Изъ золота; написано на немъ:

«Кто выберетъ меня, тотъ все добудетъ,
Чего желаетъ множество людей.»

Второй изъ серебра; на этомъ надпись:

«Кто выберетъ меня — приобрѣтетъ
Все то, чего заслуживаетъ онъ.»

Послѣдній — весь свинцовый, и на немъ
Тяжелая, какъ самый ящикъ, надпись:
«Кто выберетъ меня — все должонъ дать
И всѣмъ рискнуть, что только онъ имѣеть.»
Но, выбравши, почему узнаю я,
Что угадалъ?

ПОРЦІЯ.

Въ одномъ изъ нихъ хранится,
Принцъ, мой портретъ; коль этотъ ящикъ вы
Узнаете — я тоже буду ваша.

ПРИНЦЪ МАРОККСКІЙ.

Пусть выборомъ моимъ руководитъ
Какой-нибудь изъ всѣхъ боговъ! Посмотримъ.
Прочту еще всѣ надписи на нихъ.
Что говоритъ свинцовая шкатулка?
«Кто выберетъ меня — все долженъ дать
И всѣмъ рискнуть, что только онъ имѣеть.»
Все долженъ дать? За что же? За свинецъ?
И всѣмъ рискнуть изъ-за свинца простого?
Смысль этихъ словъ — угроза. Человѣкъ,
Рискующій послѣднимъ, поступаетъ
Такъ потому, что на большой барышъ
Надѣется. Но золотого сердца
Не соблазнить презрѣннѣйшій металлъ.
Такъ за свинецъ ничѣмъ и не рискну я,
И ничего не дамъ. Ты, серебро,
Что говоришь съ своимъ невиннымъ цвѣтомъ?
«Кто выберетъ меня — приобрѣтетъ
Все то, чего заслуживаетъ онъ.»
Все то, чего заслуживаетъ? Стой,
Мароккскій принцъ, и прежде взвѣсь свои
Достоинства рукою безпристрастной.
Коль ты себя оцѣнишь хорошо,
Такъ, значитъ, ты заслуживаешь — впрочемъ
На столько ли, чтобъ право я имѣлъ
Претендовать и на синьору эту?
Но подвергать сомнѣнію свое
Достоинство — вѣдь, значитъ обнаружить
Трусливое невѣріе въ себя,
Все то, чего я стою? Да ея-то
И стою я, заслуживаю всѣмъ:
Рожденіемъ, богатствомъ, воспитаньемъ,
Изяществомъ — но болѣе всего
Заслуживаю я своей любовью.

Не прекратить ли, полно, мнѣ свои
Догадки здѣсь и выбрать этотъ ящикъ?
Прочтемъ еще на золотѣ слова:
«Кто выберетъ меня, тотъ все добудетъ,
Чего желаетъ множество людей.»
Да это-то и есть моя синьора!
Весь міръ ее желаетъ; съ четырехъ
Концовъ земли стекаются сюда
Облобызать священный образъ смертной,
Живущей здѣсь. Гирканіи поля
И дикія Аравіи пустыни —
Въ проѣзжіе пути превращены
Владыками, спѣшащими въ сей замокъ
На Порцію прекрасную взглянуть.
И царство водъ, что такъ надменно плюетъ
Вершиною своей въ лицо небесъ —
Остановить не можетъ чужеземцевъ:
Плывутъ они, какъ-будто чрезъ ручей,
Чтобъ Порцію прекрасную увидѣть.
Ея лицо божественное здѣсь,
Въ одной изъ трехъ шкатулокъ. Неужели
Въ свинцовой? Нѣтъ, и думать о такомъ
Безчестіи — прямое святотатство!
Жестокостью чрезмѣрной было бъ — саванъ
Ея вложить въ такой печальный гробъ.
Иль въ серебрѣ лежитъ она — въ металлѣ,
Что въ десять разъ дешевле и простѣй,
Чѣмъ золото? О, грѣшный помыслъ! Нѣтъ!
Еще никто такой алмазъ богатый

399

Не оправлялъ во что-нибудь простѣй,
Чѣмъ золото. Есть въ Англіи монета
Изъ золота на ней изображенъ
Ликъ ангела; но тамъ онъ лишь снаружи,
А здѣсь внутри, на ложѣ золотомъ
Покоится. Подайте ключъ. Мной эта
Шкатулка выбрана: жду отъ судьбы отвѣта.

ПОРЦІЯ.

Принцъ, вотъ вамъ ключъ, и если мой портретъ
Въ томъ ящикѣ найдете вы — я ваша.

Принцъ МАРОККСКІЙ (*открывая шкатулку*).

О, смерть и адъ! Что вижу? Черепъ голый,
И въ глазъ пустой клочокъ бумаги воткнуть,
Исписанной и свернутой. Прочту. (*Читаетъ.*)
«Міръ очень часто говорить:
Не все то злато, что блестить;
Большое множество людей
Платило жизнью своей,
Чтобъ хоть снаружи только мной
Полюбоваться. Въ золотой
Гробницѣ ползаетъ червякъ,
Когда бъ вы были мудры такъ,
Какъ смѣлы духомъ, если бъ вы
Разсудокъ старой головы
Носили въ тѣлѣ молодомъ,
То васъ не встрѣтилъ бы пріемъ
Такой холодный; а теперь —
Прощайте: вамъ открыта дверь.»
Да, пріемъ вполнѣ холодный;
Трудъ пропалъ. Прощай, о мой
Сердца пламень благородный —
Здравствуй, холодъ ледяной!
Прощайте, Порція! Я слишкомъ полонъ муки
И не могу продлить мгновение разлуки!
Такъ уѣзжаетъ тотъ, кто дѣло проигралъ.

ПОРЦІЯ.

Какъ случай всѣ мои надежды увѣнчалъ!
Пойдемъ. Ахъ, если бъ всѣ, кто сходень съ нимъ по цвѣту,
Кончалъ свой выборъ такъ, какъ онъ — попытку эту!

(*Всѣ уходятъ.*)

СЦЕНА VIII.

Венеція. Улица.

Входятъ САЛАРИНО и СОЛАНІО.

САЛАРИНО.

Да, милый мой, я видѣлъ: поднялъ парусъ
Бассаніо, и Граціано съ нимъ
Отправился; а что Лоренцо не былъ
На корабль, такъ въ томъ увѣренъ я.

СОЛАНІО.

Мерзавецъ-жидъ съ постели поднялъ дожа
Стенаньями и криками — и дождь

Отправился съ нимъ вмѣстѣ осмотрѣть
Корабль Бассаніо.

САЛАРИНО.

Пришелъ онъ поздно:
Тогда корабль ужъ поднялъ паруса.
Но дожъ узналъ, что видѣли Лоренцо
Съ возлюбленною Джессикой въ гондолѣ
И, сверхъ того, Антоніо увѣрилъ
Свѣтлѣйшаго, что на суднѣ Бассаньо
Ихъ не было.

СОЛАНІО.

Я никогда еще
Не видывалъ такой ужасной, странной,
Помѣшанной, нелѣпой, дикой страсти,
Какъ у жида собачьяго, когда
По улицамъ неистово вопилъ онъ:
О, дочь моя! Червонцы! дочь моя!
Ушла съ христіаниномъ! О, червонцы,
У христіанъ добытые! Законъ,
Правдивый судъ отдайте мнѣ червонцы
И дочь мою! Мѣшокъ — нѣтъ, два мѣшка
Съ червонцами и за моей печатью,
Съ червонцами двойными — дочь моя
Украла ихъ. И дорогіе камни —
Два дорогихъ, два богатѣйшихъ камня
Украла дочь. Правдивый судъ, сыщи
Дѣвчонку мнѣ — у ней мои червонцы
И камни драгоцѣнные!»

САЛАРИНО.

За нимъ
Мальчишки всѣ бѣжали и кричали:
«Эй, гдѣ его червонцы, камни, дочь?»

СОЛАНІО.

Ну, пусть теперь не вздумаетъ просрочить
Антоніо; не то, за это все
Заплатитъ онъ.

САЛАРИНО.

Вотъ кстати ты напомнилъ.
Одинъ французъ вчера мнѣ разказалъ,
Что будто бы корабль венеціанскій,
Богато нагруженный, потонулъ
Средь узкихъ водъ, текущихъ межъ землями

Французскою и англійской. При этомъ
Антоніо мнѣ вспомнился — и я
Въ душѣ желалъ, чтобъ тотъ корабль погибшій
Не былъ его.

СОЛАНІО.

Совѣтую тебѣ
Скорѣй сказать Антоніо про это;
Но сообщи не сразу, чтобъ его
Не огорчить.

САЛАРИНО.

Добрѣе чловѣка
Нѣтъ на землѣ. Я видѣлъ, какъ они
Съ Бассаніо прощались. «Постараюсь»,
Бассаніо сказалъ ему, «скорѣй
Вернуться.» — «Нѣтъ». Антоніо отвѣтилъ:
«Не торопись изъ-за меня: пускай
Отъ времени твое созрѣетъ дѣло.

400

А векселемъ, что выдалъ я жиду,
Не затрудняй влюбленный мозгъ; будь веселъ
И мысли всѣ всецѣло посвяти
Любезностямъ и тѣмъ изъ доказательствъ
Твоей любви, которыя сочтешь
Приличными и нужными.» И это
Проговоривъ, съ слезами на глазахъ,
Отворотясь, пожалъ онъ другу руку
Съ глубокою горячностью души —
И такъ они разстались.

СОЛАНІО.

Мнѣ сдается,
Что къ жизни онъ привязанъ лишь однимъ
Бассаніо. Пойдемъ къ нему, однако,
Попробуемъ веселымъ чѣмъ-нибудь
Прогнать его тоску.

САЛАРИНО.

Пойдемъ скорѣе. (Уходятъ.)

СЦЕНА ІХ.

Бельмонтъ. Комната въ домъ Порціи.

Входитъ НЕРИССА *со служгой.*

НЕРИССА.

Скорѣй, скорѣй отдерни занавѣску,
Пожалуйста: принцъ Аррагонскій здѣсь
Ужъ клятву далъ и къ выбору приступить
Немедленно.

Трубы. Входятъ ПРИНЦЪ АРРАГОНСКІЙ, ПОРЦІЯ *и ихъ свита.*

ПОРЦІЯ.

Вотъ, благородный принцъ,
Три ящика. Коль упадетъ вашъ выборъ
На тотъ изъ нихъ, въ которомъ мой портретъ —
Немедленно союзъ нашъ брачный будетъ
Отпразднованъ; а ошибетесь вы —
Такъ выѣхать обязаны сейчасъ же,
Безъ дальнихъ словъ.

ПРИНЦЪ АРРАГОНСКІЙ.

Я въ трехъ вещахъ уже
Поклялся вамъ: во-первыхъ, постоянно
Отъ всѣхъ скрывать, какой я выбралъ ящикъ;
Потомъ, коль я случайно ошибусь,
То никогда ничьей руки на свѣтѣ
Ужъ не искать, и, наконецъ, коль я
Не выберу удачно — васъ оставить
И выѣхать немедленно отсель.

ПОРЦІЯ.

Да, въ этомъ всемъ даетъ мнѣ клятву каждый,
Рискующій собою за мою
Ничтожную особу.

ПРИНЦЪ АРРАГОНСКІЙ.

Я рѣшился
На это все. Судьба, не обмани
Надеждъ души моей! Свинецъ презрѣнный,
И серебро, и золото. Прочтемъ:
«Кто выберетъ меня, все долженъ дать
И всѣмъ рискнуть, что только онъ имѣетъ.»
Ну, ужъ скорѣй похорошѣешь ты,
Чѣмъ за тебя хоть чѣмъ-нибудь рискну я.
Что говорить мнѣ ящикъ золотой?
«Кто выберетъ меня, тотъ все добудетъ,
Чего желаетъ множество людей.»

Чего желаетъ множество? Быть можетъ,
Подъ *множествомъ* писавшій понималъ
Ту глупую толпу, что выбираетъ
По виду лишь и знаетъ только то,
Чему ее глазъ ослѣпленный учить —
Ту глупую толпу, что никогда
Не смотритъ внутрь, но на стѣнахъ наружныхъ,
Какъ ласточка, возводитъ домъ себѣ,
Не думая, что здѣсь она открыта
Опасности и очень къ ней близка.
Нѣтъ, я того не выберу, что многимъ
Желательно — затѣмъ что не хочу
Смѣшать себя съ недалними умами
И стать въ ряду невѣжественныхъ массъ.
Остался ты, серебряный хранитель
Сокровища. Дай разъ еще взглянуть,
Какимъ себя девизомъ ты украсилъ:
«Кто выберетъ меня — пріобрѣтетъ
Все то, чего заслуживаетъ онъ.»
Прекрасно сказано. Кто въ самомъ дѣлѣ
Пойдетъ на то, чтобъ счастье обмануть
И почести, не будучи достойнымъ
Снискать ее? Не должно никому
Превозносить себя не по заслугамъ.
О, если бы высокія мѣста
И титулы, и званья не давались
Кривымъ путемъ и если бы цѣной
Дѣйствительныхъ заслугъ пріобрѣтались
Всѣ почести — какъ много бѣдняковъ
Ходили бъ не нагими, а въ одеждахъ!
Какъ много тѣхъ, которымъ власть дана
Повелѣвать — другимъ бы подчинялись!
Какъ много бы нечистаго зерна
Отъ чистыхъ зеренъ чести отдѣлялось!
Какъ много бы прекраснаго могло
Сквозь времени навозъ пройти наружу
И заблестать! Пора, однако, выбрать.
«Кто выберетъ меня — пріобрѣтетъ
Все то, чего заслуживаетъ онъ.»
Да — то, что я заслуживаю — смѣло
Беру себѣ. Прошу васъ этотъ ключъ
Мнѣ дать — и я открытъ мое блаженство
Потороплюсь.

ПОРЦІЯ.

Такъ много обсуждать

Не стоило изъ-за того, что въ этой
Шкатулкѣ вы найдете.

ПРИНЦЪ АРРАГОНСКІЙ.

Это что?

401

Какая-то безсмысленная рожа
Съ гримасой мнѣ записку подаетъ!
Прочту. Какъ ты далеко не похожъ
На Порцію! О, какъ ты не похожъ
На всѣ мои надежды и заслуги!
«Кто выберетъ меня — приобрѣтетъ
Все то, чего заслуживаетъ онъ!»
Уже ли я заслуживаю только
Портретъ глупца? Ужели оцѣнить
Достоинства мои нельзя щедрѣе?

ПОРЦІЯ.

Вы знаете, преступникъ и судья —
Двѣ должности различныя, и рѣзко
Одна другой противорѣчатъ.

ПРИНЦЪ АРРАГОНСКІЙ.

Что,
Однако, здѣсь написано? Посмотримъ.

(Читаетъ.)

«Семь разъ я пройдено огнемъ;
Семь разъ испытанъ разумъ въ томъ,
Кто, выбирая что-нибудь,
Не ошибается отнюдь.
Иной, посмотришь, человѣкъ
За тѣнью гонится весь вѣкъ,
Другому счастья тѣнь одна
Въ удѣлъ печальнѣйшій дана;
Есть много глупыхъ — знаю я —
Наружность коихъ, какъ моя,
Покрыта яркимъ серебромъ;
Кого бы ты не ввелъ въ свой домъ,
Назвавъ женою — образъ мой
Твоею будетъ головой.
Прощай, покончилъ я съ тобой!»
Чѣмъ долѣе я здѣсь пробуду,

Тѣмъ имъ глупѣй казаться буду:
Сюда пришелъ я за женой
Съ одной дурацкой головой —
Теперь съ двумя я ухожу.
Прощай, красавица! Сдержу
Я клятву, данную тебѣ,
И покорюсь своей судьбѣ!

(Уходитъ со свитой.)

ПОРЦІЯ.

На свѣчкѣ мотылекъ сжегъ крылышки себѣ!
О, глупые разумники, когда
Имъ выбирать приходится — всегда
Они умомъ такъ ловко извернутся,
Что въ выборѣ тотчасъ же ошибутся!

НЕРИССА.

Пословица не даромъ говорить:
«Умрешь и женишься такъ, какъ судьба велить.»

ПОРЦІЯ.

Пойдемъ; задерни занавѣсь, Нерисса.

Входитъ СЛУГА.

СЛУГА.

Гдѣ госпожа?

ПОРЦІЯ.

Я здѣсь; тебѣ что нужно?

СЛУГА.

Какой-то молодой венеціанецъ
Къ вамъ только что курьеромъ прискакалъ,
Чтобъ извѣстить, что вслѣдъ за нимъ прибудеть
И господинъ его. Покамѣстъ онъ
Привезъ сюда вещественные знаки
Глубокаго почтенья: кромѣ словъ,
Любезнѣйшихъ привѣтствій — и подарки
Богатые. Я никогда еще
Столь милаго гонца любви не видѣлъ.
Апрѣльскій день ни разу на землѣ
Не возвѣщаль такъ чудно приближенья
Роскошнѣйшаго лѣта, какъ теперь
Намъ возвѣстилъ прекрасный этотъ вѣстникъ
Прибытье господина своего.

ПОРЦІЯ.

Пожалуйста, довольно! Расточаешь
На похвалы ему ты умъ такой
Не будничнй, что я почти боюся,
Чтобъ не сказала ты скоро, что тебѣ
Онъ родственникъ. Пойдемъ, пойдемъ, Нерисса.
Мнѣ хочется увидѣть поскорѣй
Столь быстрого гонца отъ Купидона,
Который, слышу я, любезень такъ и милъ!....

НЕРИССА.

Дай Богъ, сударыня, чтобъ то Бассаньо былъ!

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Венеція. Улица.

Входятъ СОЛАНІО и САЛАРИНО.

СОЛАНІО. Ну, что новаго на Ріальто?

САЛАРИНО. Да все по прежнему ходитъ слухъ, что корабль Антоніо, съ богатымъ грузомъ, погибъ въ проливѣ Гудвинскомъ — такъ, кажется, онъ называется. Это очень опасное мѣсто, въ которомъ похоронень уже не одинъ корабль. Такъ вотъ какая новость, если только кумушка-молва честная женщина.

СОЛАНІО. Я хотѣлъ бы, чтобъ въ этомъ случаѣ она лгала хуже всѣхъ кумушекъ, какія только грызутъ пряники или хотятъ увѣрить своихъ сосѣдей, что онѣ оплакиваютъ смерть

402

третьяго мужа. Но на этотъ разъ несомнѣнно, говоря безъ всякихъ околичностей и не загораживая ничѣмъ большую дорогу разсказа, несомнѣнно, что добрый Антоніо, честный Антоніо... О, я не могу найти прилагательнаго, которое было бы достойно находиться въ сообществѣ съ его именемъ.

САЛАРИНО. Ну, кончай же, что ты хотѣлъ сказать.

СОЛАНІО. Что ты говоришь? Ну, конецъ тотъ, что Антоніо лишился корабля.

САЛАРИНО. Дай Богъ, чтобъ это было окончаніемъ его потерь!

СОЛАНІО. Скажу скорѣе *аминь*, чтобъ чортъ не успѣлъ встать поперегъ моей молитвы, потому что вонъ онъ идетъ въ образѣ жида.

Входитъ Шейлокъ.

СОЛАНІО. Что скажешь, Шейлокъ? какія новости въ купеческомъ мірѣ?

ШЕЙЛОКЪ. Вы знаете — и, притомъ, лучше всякаго и лучше всѣхъ вмѣстѣ, что дочь моя убѣжала.

САЛАРИНО. Это совершенно справедливо. Я знаю даже, какой портной шилъ крылья, на которыхъ она улетѣла.

СОЛАНІО. А Шейлокъ зналъ, что птичка совсѣмъ уже оперилась; а въ эту пору всѣ птички вылетаютъ изъ гнѣздышекъ: ужъ такова ихъ натура.

ШЕЙЛОКЪ. За это она проклята.

САЛАРИНО. Конечно — если судить ее будетъ чортъ.

ШЕЙЛОКЪ. Моя собственная плоть и кровь взбунтовались!

СОЛАНІО. Ахъ, старая падалъ! и смѣетъ она бунтоваться въ твои годы?

ШЕЙЛОКЪ. Я называю мою дочь моею плотью и кровью.

САЛАРИНО. Между твоей плотью и ея плотью больше разницы, чѣмъ между чернымъ деревомъ и слоновой костью; между твоею кровью и ея кровью больше разницы, чѣмъ между краснымъ виномъ и рейнвейномъ. Но скажи намъ, не знаешь ли ты: потерялъ что-нибудь Антоніо на морѣ, или нѣтъ?

ШЕЙЛОКЪ. Вотъ для меня еще другое скверное дѣло! Банкротъ и мотъ, который едва смѣетъ показывать свою голову на Ріальто, нищій, который обыкновенно такъ гордо расхаживалъ по площади... Ну, пусть онъ не забудетъ своего векселя! Онъ всегда называлъ меня ростовщикомъ, такъ пусть не забудетъ своего векселя! Онъ всегда давалъ займы деньги изъ христіанскаго человѣколюбія — пусть же не забудетъ своего векселя.

САЛАРИНО. Я увѣренъ, что если онъ просрочитъ, то ты не потребуешь его мяса. На что оно годно?

ШЕЙЛОКЪ. Прикармливать рыбу. Если оно не насытитъ никого, то насытитъ мое мщеніе. Онъ ругался надо мной и сдѣлалъ мнѣ убытку на полмилліона; онъ смѣялся надъ моими потерями, надъ моими заработками, ругалъ мой народъ, мѣшалъ моимъ торговымъ дѣламъ, охлаждалъ моихъ друзей, разгорячалъ моихъ враговъ — и все это за что? За то, что я жидъ. Да развѣ у жида нѣтъ глазъ? развѣ у жида нѣтъ рукъ, органовъ, членовъ, чувствъ, привязанностей, страстей? развѣ онъ не ѣстъ ту же пищу, что и христіанинъ? развѣ онъ ранитъ себя не тѣмъ же оружіемъ и подверженъ не тѣмъ же болѣзнямъ? лѣчится не тѣми же средствами? согрѣвается и знобится не тѣмъ же лѣтомъ и не тою же зимою? Когда вы насъ колете, развѣ изъ насъ не идетъ кровь? когда вы насъ щекочете, развѣ мы не смѣемся? когда вы насъ отравляете, развѣ мы не умираемъ, а когда вы насъ оскорбляете, развѣ мы не отомщаемъ? Если мы похожи на васъ во всемъ остальномъ, то хотимъ быть похожи и въ этомъ. Когда жидъ обидитъ христіанина, къ чему прибѣгаетъ христіанское смиреніе? Къ мщенію. Когда христіанинъ обидитъ жида, къ чему должно, по вашему примѣру, прибѣгнуть его терпѣніе? Ну, тоже къ мщенію. Гнусности, которымъ вы меня учите, я примѣняю къ дѣлу — и коли не превзойду своихъ учителей, такъ, значитъ, мнѣ сильно не повезетъ счастье.

Входитъ СЛУГА.

СЛУГА. Синьоры, мой господинъ Антоніо теперь дома и желаетъ поговорить съ вами обоими.

САЛАРИНО. Мы сами вездѣ искали его.

Входитъ ТУБАЛЬ.

СОЛАНІО. Вотъ еще одинъ изъ ихъ племени; третьяго такого не найдешь — развѣ самъ чортъ обратится въ жида!

(Саларино, Соланіо и слуга уходятъ.)

ШЕЙЛОКЪ. Ну, Тубаль, какія новости изъ Генуи? Отыскаль ты мою дочь?

ТУБАЛЬ. Я бываль въ многихъ мѣстахъ, гдѣ о ней говорили, но отыскать ее не могъ.

ШЕЙЛОКЪ. Такъ такъ, такъ, такъ! Пропаль брильянтъ, за который я заплатилъ во Франкфуртѣ двѣ тысячи червонцевъ. До этихъ поръ проклятіе не обрушивалось на нашу націю, и я не чувствовалъ его до этихъ поръ. Двѣ тысячи червонцевъ пропали — а сколько еще драгоценныхъ, драгоценныхъ

403

камней! Я хотѣлъ бы, чтобъ моя дочь лежала мертвая у моихъ ногъ, съ драгоценными камнями въ ушахъ; хотѣлъ бы, чтобъ она была похоронена у моихъ ногъ и чтобъ червонцы лежали въ ея гробѣ. Такъ ничего о нихъ не слышно? Да, ничего... И я еще не знаю, сколько истрачено на поиски. Убытокъ за убыткомъ! Воръ унесъ столько-то, и столько-то стоитъ найти вора. И никакого удовольствія, никакого мщенія! Нѣтъ на землѣ несчастія, кромѣ того, которое обрушилось на мои плечи; нѣтъ вздоховъ, кромѣ тѣхъ, которые вылетаютъ изъ моей груди; нѣтъ слезъ, кромѣ тѣхъ, которыя проливаю я!

ТУБАЛЬ. Нѣтъ, и у другихъ людей бываютъ тяжкія несчастія. Антоніо, какъ я слышалъ, въ Генуѣ...

ШЕЙЛОКЪ. Что, что, что? Несчастье? несчастье?

ТУБАЛЬ. Лишился корабля, который шелъ изъ Триполи.

ШЕЙЛОКЪ. Благодарю Создателя, благодарю Создателя! И это вѣрно? это вѣрно?

ТУБАЛЬ. Мнѣ сказали это нѣкоторые изъ его матросовъ, которые спаслись отъ кораблекрушенія.

ШЕЙЛОКЪ. Благодарю тебя, добрый Тубаль. Хорошая новость, хорошая новость! Гдѣ же это? въ Генуѣ?

ТУБАЛЬ. Твоя дочь, какъ я слыхалъ, истратила въ Генуѣ въ одну ночь восемьдесятъ червонцевъ.

ШЕЙЛОКЪ. Ты вонзаешь въ меня кинжалъ. Значитъ, я никогда уже не увижу моего золота. Восемьдесятъ червонцевъ за одинъ разъ! Восемьдесятъ червонцевъ!

ТУБАЛЬ. Со мною вмѣстѣ пріѣхало въ Венецію нѣсколько кредиторовъ Антоніо. Они божатся, что ему непременно быть банкротомъ.

ШЕЙЛОКЪ. Мнѣ это весьма пріятно. Я буду мучить его, я буду терзать

его. Мнѣ это весьма пріятно.

ТУБАЛЬ. Одинъ изъ нихъ показалъ мнѣ кольцо, которое твоя дочь отдала ему за обезьяну.

ШЕЙЛОКЪ. Будь она проклята! Ты терзаешь меня, Тубаль. Это моя бирюза. Мнѣ подарила ее Лія, когда я еще былъ холостой. Я не отдалъ бы этого кольца за цѣлый лѣсъ обезьянь.

ТУБАЛЬ. Но Антоніо разорень — это вѣрно.

ШЕЙЛОКЪ. Да, это вѣрно, это очень вѣрно. Ступай, Тубаль, найми мнѣ судебного пристава; — договори его за двѣ недѣли впередъ. Если Антоніо просрочить, я вырѣжу у него сердце. Не будетъ его въ Венеціи — никто не станетъ мѣшать моей торговлѣ. Ступай, Тубаль, и потомъ приди ко мнѣ въ нашу синагогу. Ступай, добрый Тубаль. Итакъ — въ нашей синагогѣ, Тубаль.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Бельмонтъ. Комната въ домѣ Порціи.

Входятъ БАССАНИО, ПОРЦІЯ, ГРАЦІАНО, НЕРИССА *и свита.*

Ящики не задернуты занавѣской.

ПОРЦІЯ.

Я васъ прошу, повремените лучше
И, прежде чѣмъ рѣшиться, дайте дню
Иль двумъ пройти; вѣдь, если ошибетесь
Вы въ выборѣ — я потеряю васъ.
Поэтому, немного подождите.
Я слышу что-то — только не любовь —
Мнѣ говорить, что я бы не хотѣла
Васъ потерять, а знаете вы сами,
Что ненависть не можетъ подавать
Такую мысль. Но для того, чтобъ лучше
Меня понять могли вы — хоть языкъ
У дѣвушекъ одинъ: ихъ мысль — охотно
Держала бъ васъ я мѣсяць или два
Здѣсь у себя, предъ тѣмъ какъ вы рискнули бъ
Изъ-за меня. Могла бы я тогда
Васъ научить, какъ выбрать то, что надо;
Но клятву тѣмъ нарушила бы я,
А этого я ни за что на свѣтѣ
Не сдѣлаю. И такъ, возможно вамъ
Не угадать. Но если такъ случится,
То грѣшное раскаянье въ меня
Вселите вы — раскаянье, что клятву
Нарушить я не захотѣла. Ахъ,
Проклятіе глазамъ чудеснымъ вашимъ!
Они меня околдовали всю

И на двѣ половины раздѣлили:
Одна изъ нихъ вамъ вся принадлежитъ,
Другая — вамъ... мнѣ, я сказать хотѣла;
Но если мнѣ, то также вамъ — итакъ
Вамъ все мое принадлежитъ. О, злая
Судьба, зачѣмъ преграду ставишь ты
Межъ собственникомъ и его правами?
Я ваша — да, но все-таки не вамъ
Принадлежу. Коль такъ судьбѣ угодно,
То въ адъ идетъ пускай она — не я.
Я говорю, однако, слишкомъ много;
Но цѣль моя — чтобъ время протянуть
Подолѣе и выборъ вашъ замедлить.

БАССАНІО.

Нѣтъ, дайте мнѣ скорѣе приступить:
Мнѣ это положенье — просто пытка.

404

ПОРЦІЯ.

Какъ, пытка? Ну, такъ повинитесь мнѣ:
Къ своей любви какую примѣшали
Измѣну вы?

БАССАНІО.

Измѣну лишь одну —
Ужасную измѣну недовѣрья,
Которая за обладанье тѣмъ,
Что я люблю, бояться заставляетъ.
Такое жъ отношенье и родство
Между моей любовью и измѣной,
Какъ межъ огнемъ и снѣгомъ.

ПОРЦІЯ.

Да, но вы
Мнѣ, можетъ быть, все это говорите
Какъ человѣкъ, который можетъ все
Подъ пыткой сказать.

БАССАНІО.

Пообѣщайте
Мнѣ только жизнь — и правду я скажу.

ПОРЦІЯ.

Ну, хорошо — скажите и живите.

БАССАНІО.

Скажите и живите, — въ этомъ все
Признаніе мое. Какая пытка
Блаженная, когда пытатель мой
Подсказываетъ мнѣ мои отвѣты,
Служащіе къ спасенью моему!
Ведите же меня скорѣе къ счастью
И къ ящикамъ.

ПОРЦІЯ.

Итакъ, впередъ! Въ одномъ
Изъ этихъ трехъ я заперта — и если
Вы любите меня, то ящикъ тотъ
Отыщете. Нерисса, стань подальше
Со всѣми остальными. Пусть оркестръ
Гремитъ, межъ тѣмъ какъ выбирать онъ будетъ;
Тогда коли не угадаетъ онъ,
То кончитъ такъ, какъ умираетъ лебедь —
При музыкѣ; иль, чтобъ сравнить вернѣй,
Мои глаза ручьемъ обильнымъ будутъ,
Гдѣ онъ найдетъ свой влажный смертный одръ.
Но можетъ онъ и выиграть. Тогда же
Чѣмъ будутъ звуки музыки? Тогда
Тѣ звуки будутъ трубнымъ ликованьемъ,
Съ которымъ вѣрноподданный народъ
Передъ своимъ царемъ нововѣнчаннымъ
Склоняется; то будетъ сладкій звукъ,
Что на зарѣ нашептываетъ тихо
Въ слухъ жениха, и, оторвавъ отъ грезъ,
Зоветь къ налою брачному. Смотрите:
Вотъ онъ идетъ — не меньше величаво,
Но съ большею любовью, чѣмъ Алкидъ,
Когда изъ рукъ чудовища морского
Освободилъ онъ дѣвственную дань,
Заплаченную Троею скорбящей.
Я здѣсь стою, какъ жертва; тамъ вдали,
Дарданянки испуганныя смотрятъ,
Чѣмъ подвигъ тотъ окончится. Иди,
Мой Геркулесь! Ты не умрешь — и буду
Я тоже жить. Смотрѣть на битву мнѣ страшнѣй,
Чѣмъ для тебя — итти принять участие въ ней.

(Бассаніо начинаетъ разсматривать ящики. Музыка.)

СВИТА *(поетъ)*.

О, скажи, гдѣ источникъ любви —
Въ головѣ или сердца въ крови?
Какъ она рождается?
Чѣмъ она питается?
Отвѣчай, отвѣчай!
Родится въ глубинѣ очей —
И взгляды служатъ кормомъ ей,
И умираетъ въ цвѣтѣ дней,
Качаясь въ люлечкѣ своей.
Раздайся же повсюду звонъ!
Я начинаю: динь — динь — донь!

В с ъ .

Динь — динь — донь!

Б А С С А Н И О .

Итакъ, нельзя блестящую наружность
Всегда считать правдивою; весь міръ
Вводимъ въ обманъ наружнымъ украшеніемъ.
Въ судилищахъ найдется ль хоть одно
Позорное, испачканное дѣло,
Въ которомъ бы пріятнымъ голоскомъ
Нельзя прикрыть всю видимую гнусность?
Въ религіи найдется ль хоть одно,
Достойное укора заблужденіе,
Которое не могъ бы мудрый мужъ
И освятить, и текстами приправить,
И внѣшнимъ украшеніемъ прикрыть?
Ни одного порока нѣтъ, настолько
Наивнаго, чтобъ появляться въ свѣтъ,
Не облачась наружно въ добродѣтель.
Не мало, вѣдь, межъ нами трусовъ есть,
Чьи души такъ печально-ненадежны,
Какъ лѣстница песчаная — межъ тѣмъ
Они лицо снабжаютъ бородою,
Какъ Геркулесъ или суровый Марсъ.
Раскройте-ка ихъ внутренность: печенка
Въ нихъ бѣлая, какъ молоко. Они
Лишь для того собираютъ испражненія
Воинственной отваги, чтобъ къ себѣ
Страхъ поселить въ другихъ. Взгляните только
На красоту — увидите сейчасъ,
Что цѣнится она всегда по вѣсу
Наружныхъ украшеній; оттого
И сдѣлалось теперь въ природѣ чудо,
Что женщина тѣмъ болѣе легка,

Чѣмъ болѣе на ней тѣхъ украшеній.
Итакъ, когда порою мы глядимъ
На мнимую красавицу и видимъ,

405

Какъ кудри золотистыя ея,
Внизъ съ головы бѣгутъ двумя змѣями,
Кокетливо играя съ вѣтеркомъ,
То знаемъ мы, что это — достоянье
Уже второй головки: черепъ тотъ,
Что ихъ родилъ, давно лежитъ въ могилѣ.
Поэтому на блескъ наружный мы
Должны смотрѣть какъ на коварный берегъ
Опаснѣйшаго моря, какъ на шарфъ
Прелестнѣйшій, который закрываетъ
Красавицы индѣйской черноту.
Короче, блескъ наружный есть личина
Правдивости, которою нашъ вѣкъ
Коварнѣйшій обманываетъ ловко
И самага мудрѣйшаго изъ насъ.
Вотъ почему меня не соблазняешь
Ты, золото блестящее, ты, твердый
Мидаса кормъ! (*Обращаясь къ серебряному ящику.*)
Не нуженъ мнѣ и ты —
Ты, серебро, посредникъ пошлый, блѣдный
Между людей. Но ты, простой свинець,
Ты, болѣе грозящій, чѣмъ манящій
Надеждою — своею простотою,
Ты убѣдилъ меня: тебя я выбираю
И отъ тебя теперь блаженства ожидаю!

П О Р Ц И Я .

Какъ всѣ другія страсти, разлетѣлись
По воздуху сомнѣнія мои,
Безумное отчаянье, боязнь
Дрожащая, мучительная ревность
Съ зелеными глазами... О, любовь,
Сдержи себя, умѣрь свои восторги,
Останови дождь радости своей!
Я чувствую ужъ слишкомъ сильно въ сердцѣ
Твое благословенье; уменьши
Его скорѣй — оно меня задавить!

Б А С С А Н И О .

(раскрывая свинцовый ящикъ.)

Что вижу? Дивной Порціи портретъ!
Какой же полу-богъ такъ превосходно
Воспроизвелъ натуру? Эти очи
Дѣйствительно ли движутся, иль мнѣ
Такъ кажется лишь потому, что ими
Приводятся въ движеніе мои?
Вотъ и уста: они полураскрыты,
И сладостнымъ дыханьемъ губки ихъ
Раздѣлены — прелестная преграда
Межъ двухъ друзей прелестныхъ, какъ она.
Вотъ волоса — тутъ разыгралъ художникъ
Роль паука: сплелъ золотую сѣть,
Куда сердца людскія попадаютъ
Быстрѣй, чѣмъ въ паутину комары.
Но какъ же могъ художникъ оба глаза
Нарисовать? Вѣдь, сдѣлавши одинъ,
Мнѣ кажется, онъ долженъ бы ослѣпнуть
И бросить такъ неконченнымъ второй.
Смотрите-ка, однакоже: на сколько
Дѣйствительность восторга моего
На эту тѣнь клеветецъ, воздавая
Ей не такой, какъ слѣдуетъ, почетъ —
Настолько же и эта тѣнь тащится
Съ большимъ трудомъ дѣйствительности вслѣдъ.
Вотъ тотъ клочокъ бумаги, на которомъ
Написано все счастье мое. *(Читаетъ.)*
«Ты, избирающій не тол
По виду внѣшнему, насколько
Удаченъ, вѣренъ выборъ твой!
Теперь, когда ужъ кладъ такой
Тебѣ достался, оставайся
Доволенъ имъ и не старайся
Найти другой. Коли тебѣ
Онъ милъ и ты въ своей судьбѣ
Нашелъ блаженство — подойди же
Къ своей красавицѣ поближе,
И поцѣлуями любви
Ее скорѣй къ себѣ зови!»
Чудесныя слова! Итакъ, позвольте,
Прекрасная синьора. *(Цѣлуетъ ее.)* Прихожу
Я получить и произвестъ уплату
По векселю. Когда передъ толпой
Чета борцовъ дерется на аренѣ
И слышится рукоплесканій громъ
Со всѣхъ сторонъ, тогда одинъ изъ нихъ,

Взволнованный, почти ошеломленный,
Тревожно ждетъ, не зная самъ, ему ль
Весь этотъ громъ хвалебнаго восторга?
Такъ точно я, о, трижды милый другъ,
Стою теперь предъ вами, сомнѣваясь
Въ правдивости того, что вижу здѣсь,
И лишь тогда, когда отъ васъ услышу,
Что это такъ, повѣрю я вполнѣ.

ПОРЦІЯ.

Синьоръ, меня вы видите такую,
Какою Богъ на свѣтъ меня создалъ.
Я для себя самой бы не имѣла
Желанія быть лучше; но для васъ
Хотѣла бъ я хоть въ двадцать разъ утроить
Свою цѣну, быть въ десять тысячъ разъ
Прекраснѣе, въ сто тысячъ разъ богаче —
И этого хотѣла бъ для того,
Чтобъ высоко подняться въ вашемъ мнѣннн,
Несчетное количество имѣть
Талантовъ, красоты, друзей, богатства.
Но, ахъ, итогъ того, что стою я —
Ничто; теперь я дѣвушка простая,
Безъ свѣдѣній, безъ опытности, тѣмъ
Счастливая, что не стара учиться,
И тѣмъ еще счастливѣй, что на свѣтъ
Не родилась тупою для ученья;
Всего же тѣмъ счастливѣе, что свой
Покорный умъ она теперь ввѣряетъ
Вамъ, мой король, мой мужъ, учитель мой.
И я, и все мое — отнынѣ ваше.

Еще за мигъ предъ этимъ я была
Владычицей въ великолѣпномъ замкѣ
И госпожей всѣхъ слугъ моихъ — была
Царицею самой себѣ; теперь же
И замокъ мой, и слуги всѣ, и я —
Все ваше, мой владыка: съ этимъ перстнемъ
Вамъ все даю. Но ежели у васъ
Онъ пропадетъ, иль будетъ вами отданъ
Кому-нибудь — увижу въ этомъ я
Предвѣстіе уничтоженья вашей
Любви ко мнѣ и поводъ для себя

Васъ обвинять въ невѣрности.

БАССАНІО.

Синьора,
Вы словъ меня лишили; только кровь,
Текущая во мнѣ, вамъ отвѣчаетъ.
Наполнено все существо мое
Тѣмъ хаосомъ, который, послѣ рѣчи
Привѣтливой любимаго царя,
Является въ жужжащей и довольной
Толпѣ, когда всѣ чувства и слова
Сливаются въ какой-то гулъ нестройный,
Гулъ радости съ словами и безъ словъ.
Когда кольцо оставитъ этотъ палецъ —
И жизнь со мной разстанется. Тогда
Скажите вы съ увѣренностью: умерь
Бассаніо.

НЕРИССА.

Синьора и синьоръ,
Теперь для насъ, увидѣвшихъ, что наши
Желанія исполнились вполнѣ,
Пришелъ чередъ воскликнуть: дай Богъ счастья
Синьору и синьоръ!

ГРАЦІАНО.

Добрый другъ
И милая синьора, все блаженство,
Какого вы желаете себѣ,
Желаю вамъ и я, въ томъ убѣжденъ,
Что вы и мнѣ желаете того жъ!
Въ тотъ самый день, когда союзомъ брачнымъ
Торжествовать вы будете обмѣнъ
Взаимный клятвъ, позвольте точно также
Мнѣ въ бракъ вступить.

БАССАНІО.

Отъ всей души, когда
Найдешь жену.

ГРАЦІАНО.

Нижайше благодаренъ:
Вы сами мнѣ нашли ее. Синьоръ,
Мои глаза такъ быстры, какъ и ваши.
Вы госпожу подмѣтили, а я —
Прислужницу. Синьоръ, вы полюбили —
Я сдѣлалъ то же. Мѣшканья въ дѣлахъ

Я не люблю, какъ вы. Блаженство ваше
Зависѣло отъ этихъ сундучковъ;
Ну, и мое — отъ нихъ, какъ оказалось
На дѣлѣ. Да, я просто весь вспотѣлъ,
Стараясь ей понравиться; я столько
Ей клятвъ давалъ, что пересохло въ горлѣ
И, наконецъ — коль обѣщанье есть
Конецъ всему — мнѣ обѣщала эта
Красавица, что подаритъ меня
Любовію, коль вы надъ госпожею
Одержите побѣду.

ПОРЦІА.

Правду ль онъ
Намъ говоритъ, Нерисса?

НЕРИССА.

Да, синьора,
Коль вы на то согласны.

БАССАНІО.

Ну, а вы
Не шутите со мною, Граціано?

ГРАЦІАНО.

Я говорю весьма серьезно.

БАССАНІО.

Мы
Нашъ брачный пиръ украсимъ вашей свадьбой.

ГРАЦІАНО. Мы побьемся съ ними объ закладъ на тысячу червонцевъ — у
кого прежде родится мальчикъ.

Но это кто идетъ сюда? Лоренцо
Съ язычницей своею? Какъ — и ты,
Соланіо, землякъ и другъ старинный?

Входятъ Лоренцо, Джессика и Соланіо.

БАССАНІО.

Друзья мои, я очень радъ принять
Обоихъ васъ, коль новость положенья
Даетъ мнѣ власть на это. Ангель мой,
Позвольте мнѣ гостями дорогими
Назвать моихъ друзей и земляковъ.

ПОРЦІА.

Я и сама зову ихъ такъ, синьоръ:

Они вполнѣ здѣсь дорогіе гости.

ЛО РЕНЦО.

Благодарю, синьора. Я, мессэръ,
Васъ навѣститъ не думалъ въ этомъ замкѣ;
Но встрѣтился съ Соланіо — и онъ
Такъ горячо просилъ меня съ нимъ вмѣстѣ
Отправиться, что отказаться я
Не могъ никакъ.

СО ЛА НІО.

Да, это справедливо;
А я на то имѣлъ причины. Вамъ
Прислалъ привѣтъ Антоніо.

(Подаетъ ему письмо.)

БА ССА НІО.

Но прежде,
Чѣмъ я письмо его раскрою — вы
Скажите мнѣ скорѣй, какъ поживаетъ
Мой добрый другъ?

СО ЛА НІО.

Не боленъ онъ, синьоръ,

407

Коль не болитъ душа его и боленъ,
Когда она страдаетъ. Изъ письма
Узнаете вы все, что съ нимъ случилось,

ГРА ЦІА НО.

Нерисса, ты прими и обласкай
Вотъ эту чужестранку. Вашу руку,
Соланіо. Что новаго у насъ,
Въ Венеціи? Какъ поживаетъ добрый
Антоніо, нашъ царственный купецъ?
Я знаю, онъ порадуетъ нашей
Удачѣ здѣсь. Язоны просто мы:
Руно себѣ добыли золотое.

СО ЛА НІО.

Ахъ, лучше бы нашли вы то руно,
Что потерялъ Антоніо!

ПОРЦІА.

Навѣрно

Есть страшное извѣстіе въ письмѣ,
Которое уничтожаетъ краску
Въ лицѣ Бассаніо: быть можетъ, вѣсть,
Что лучший другъ скончался. Въ самомъ дѣлѣ,
Такое лишь извѣстіе могло бѣ
Такъ измѣнить черты лица мужчины
Столь твердаго. Какъ, онъ еще блѣднѣй
Становится? Бассаніо, позвольте,
Я половина ваша — и должна
Участвовать на половину въ этомъ
Извѣстіи, что принесло письмо.

БАССАНІО.

О, милая, въ немъ есть слова такія
Ужасныя, какія никогда
До этихъ поръ бумаги не чернили!
Мой добрый другъ, когда я въ первый разъ
Открылся вамъ въ любви, то откровенно
Сказалъ, что все имущество мое
Заключено въ крови моей, что родомъ
Я дворянинъ. И правду я сказалъ.
А между тѣмъ, подруга дорогая,
Хоть я себя такъ дешево цѣнилъ,
Но даже тутъ былъ хвастуномъ, какъ это
Вамъ объясню сейчасъ. Сказавши вамъ,
Что ничего я ровно не имѣю,
Я долженъ бы сказать, что даже меньше,
Чѣмъ ничего, имѣю я. Себя
Я заложилъ любимѣйшему другу,
А друга заложилъ его врагу
Заклятому — все для того, чтобъ денегъ
Себѣ добыть. Синьора, вотъ письмо:
Узнайте же, бумага эта — тѣло
Любимѣйшаго друга моего,
А всѣ слова въ бумагѣ этой — раны
Открытыя, откуда кровь его
Бѣжитъ рѣкой. Но точно ль это правда,
Соланіо? Ужели предпріятыя
Антоніо всѣ лопнули? Ужель
Пропало все? Всѣ грузы изъ Триполи,
Изъ Мексики, изъ варварійскихъ странъ,
Изъ Англіи, двухъ Индій, Лиссабона?
И ни одинъ корабль не избѣжалъ
Ужаснаго прикосновенья камней —

Грозы купцовъ?

СОЛАНІО.

Да, ни одинъ, синьоръ.
Притомъ, хотя бѣ теперь имѣлъ онъ деньги,
Чтобъ заплатить жиду, то этотъ жидъ,
Какъ кажется, не взялъ бы ихъ. Созданья
Не видывалъ ни разу въ жизни я,
Которое, нося видъ человѣка,
Такъ жаждало собрата погубить.
Онъ день и ночь не отстаеетъ отъ дожа:
Онъ говоритъ, что отказать ему
Въ рѣшеніи правдивомъ — значить явно
Свободу государства оскорбить.
Знатнѣйшіе сенаторы и двадцать
Купцовъ, и самъ нашъ дожъ — старались всѣ
Уговорить его, но все напрасно:
Отъ кляузъ омерзительныхъ своихъ
Не хочетъ онъ отрѣчься и упорно
Твердитъ одно: заемное письмо,
Взысканіе, несдержанное слово.

ДЖЕССИКА.

Когда еще я у него жила,
То слышала, какъ Хуса и Тубала,
Соотчичей своихъ, онъ увѣрялъ
Подъ клятвою, что хочетъ лучше мяса
Антоніо, чѣмъ сумму въ двадцать разъ
Значительнѣе той, что другъ вашъ долженъ.
И знаю я, синьоръ, что коль законъ
И высшій судъ, и власти не возстанутъ —
Поплатится жестоко бѣдный вашъ
Антоніо.

ПОРЦІА.

И это другъ вашъ близкій
Въ такой бѣдѣ?

БАССАНІО.

Да, мой дражайшій другъ,
Добрѣйшій человѣкъ, съ честнѣйшимъ сердцемъ,
Съ душой, не устававшей одолжать,
Въ комъ доблесть древнихъ римлянъ такъ блистаетъ,
Какъ ни въ одномъ, живущемъ на землѣ
Италіи.

ПОРЦІА.

А много ли онъ долженъ
Жиду?

БАССАНІО.

Ему онъ долженъ за меня
Три тысячи червонцевъ!

ПОРЦІА.

Какъ! не больше?
Шесть тысячъ заплатите вы ему —
И вексель уничтожьте; эту сумму
Удвойте иль утройте, чтобъ такой

408

Прекрасный другъ изъ-за вины Бассаньо
Не потерялъ и волоса. Сперва
Предъ алтаремъ меня вы назовите
Своей женой, а послѣ отправляйтесь
Въ Венецію къ Антоніо: съ душой
Тревожною вы не должны въ объятяхъ
У Порціи покоиться. Я дамъ
Вамъ золота, чтобъ заплатить не только
Ничтожный долгъ такой, но въ двадцать разъ
Значительнѣй; и, заплативъ, сюда
Спѣшите вновь съ прекраснымъ другомъ вашимъ.
Мы между тѣмъ съ Нериссою вдвоемъ
Здѣсь будемъ жить, какъ дѣвушки и вдовы.
Пойдемте же: уѣхать вы должны
Въ тотъ самый день, какъ женитесь. Зовите
Своихъ друзей радушно; грусть свою
Преодолѣть предъ ними постарайтесь.
Купила васъ я дорогой цѣной —
И дорого любить за это буду.
Прочтите-ка, однако, мнѣ письмо.

БАССАНІО (*читаетъ*). «Милый Бассаніо, всѣ мои корабли погибли; мои кредиторы дѣлаются жестоки; мое положеніе самое скверное: срокъ моего векселя жиду истекъ; а такъ какъ, чтобы уплатить этотъ долгъ, мнѣ необходимо лишиться жизни, то мы съ тобой совершенно квиты. Мнѣ хотѣлось бы только увидѣть тебя передъ смертью. Впрочемъ, дѣйствуй по своему усмотрѣнію. Если дружба не побудитъ тебѣ пріѣхать, то пусть не побудитъ и мое письмо.»

ПОРЦІА.

О, милый мой, брось все и поѣзжай!

БАССАНИО.

Да, я потороплюсь, имѣя позволенье
Отъ васъ; но прежде, чѣмъ я возвращусь домой,
Ничья постель виной не будетъ промедленья,
И намъ разлучникомъ не будетъ отдыхъ мой.

(Уходятъ.)

СЦЕНА III.

Венеція. Улица.

Входятъ Шейлокъ, Саларино, Антонио и Тюремщикъ.

ШЕЙЛОКЪ.

Смотри за нимъ, тюремщикъ. О пощадѣ
И слушать я не стану. Это вотъ
Тотъ дуралей, что деньги безъ процентовъ
Даетъ займы. Смотри за нимъ, тюремщикъ.

АНТОНИО.

Но выслушай, Шейлокъ, мой добрый!

ШЕЙЛОКЪ.

Я
Хочу имѣть по векселю уплату!
Не говори мнѣ ни о чемъ другомъ:
Я клятву далъ, что получу исправно
По векселю. Ты называлъ меня
Собакою — и это безъ причины;
Ну, если я собака — берегись
Моихъ зубовъ: дожъ дастъ мнѣ судъ правдивый.
Дивлюсь тебѣ, дрянной тюремщикъ — ты
Ужъ черезчуръ мягкосердечень; только
Попросить онъ — сейчасъ же изъ тюрьмы
Выходишь съ нимъ.

АНТОНИО.

Пожалуйста, послушай,
Что я скажу.

ШЕЙЛОКЪ.

Уплата мнѣ нужна
По векселю. Я не желаю слушать,
Что скажешь ты. Хочу я получить
По векселю — поэтому напрасны
Твои слова. Не сдѣлать вамъ меня
Однимъ изъ тѣхъ болвановъ лупоглазыхъ

И мяконькихъ, что просьбу христіанъ
Не могутъ выслушать, чтобъ головою
Не покачать и, тяжело вздохнувъ,
Не уступить. Неиди за мной: не надо
Мнѣ словъ твоихъ — уплата мнѣ нужна
По векселю. (*Уходитъ.*)

САЛАРИНО.

Вотъ злѣйшая собака,
Какой еще ни разу человѣкъ
Не видываль.

АНТОНИО.

Оставь его. Не стану
Я болѣе упрашивать его.
Напрасно все. Моей онъ ищетъ жизни,
А почему — я знаю хорошо.
Спасаль не разъ я отъ его взысканій
Тѣхъ, кто меня объ этомъ умоляль.
Вотъ отчего меня онъ ненавидить.

САЛАРИНО.

Увѣренъ я, что не захочеть дожъ
Дѣйствительнымъ признать условье ваше.

АНТОНИО.

Не властенъ дожъ законы нарушать
И отнимать у чужеземцевъ льготы,
Что имъ у насъ въ Венеціи даны.
Такъ поступивъ, онъ подорвалъ бы сильно
Кредитъ суда республики въ глазахъ
Купцовъ всѣхъ странъ; а, вѣдь, торговля наша
И барыши зависятъ лишь отъ нихъ.
Поэтому, пусть будетъ то, что будетъ.
Отъ этихъ всѣхъ печалей и потерь
Я изнуренъ такъ сильно, что едва ли
Фунтъ мяса мнѣ удастся уберець
Для жаждущаго крови кредитора.
Я Господа молю лишь объ одномъ:
Чтобъ посмотрѣть Бассаніо пріѣхаль,
Какъ буду я за долгъ его платить;
А до всего другога нѣтъ мнѣ дѣла! (*Уходятъ.*)

СЦЕНА IV.

Бельмонтъ. Комната въ домѣ Порціи.

Входятъ ПОРЦІЯ, НЕРИССА, ЛОРЕНЦО, ДЖЕССИКА и БАЛЬТАЗАРЬ.

ЛОРЕНЦО.

Синьора, я въ глаза вамъ говорю:
Божественную дружбу благородно
И вѣрно вы постигли; это тѣмъ
Вполнѣ вы доказали, что разлуку
Съ супругомъ такъ умѣете сносить,
Но если бѣ знали вы, кто честь такую
Отъ васъ снискалъ, какой достойный мужъ
И вашего супруга другъ ближайшій
Отъ васъ получить помощь — о, тогда —
Я убѣжденъ — вы этимъ дѣломъ больше
Гордились бы, чѣмъ всякою другой
Щедротою души прекрасной вашей.

ПОРЦІЯ.

До этихъ поръ еще ни разу я
О сдѣланномъ добрѣ не пожалѣла,
И этого не сдѣлаю теперь.
Межъ двухъ друзей, что вмѣстѣ жизнь проводятъ
И души чьи согнуты подъ однимъ
Ярмомъ любви, должна быть непремѣнно
Гармонія полнѣйшая всѣхъ чувствъ,
Наклонностей и чертъ лица — и это
Мнѣ мысль даетъ, что такъ какъ мой супругъ
Ближайшій другъ Антонію, то вѣрно
Онъ и похожъ на мужа моего.
А если такъ, то какъ же я немного
Истратила, чтобъ выкупить скорѣй
Изъ адскихъ рукъ жестокости подобье
Моей души! Однако слишкомъ я
Хвалю себя; поэтому мы лучше
Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.
Лоренцо, я вручаю вамъ хозяйство
Въ моемъ дому и управленье имъ
До той поры, когда мой мужъ вернется.
Что до меня, такъ втайнѣ Богу я
Дала обѣтъ въ молитвѣ, въ созерцаньи,
Вдали отъ всѣхъ, съ Нериссою одной
Жизнь проводить, пока не возвратятся
Мой господинъ и мужъ ея. Отъ насъ
За двѣ версты есть монастырь — туда-то

Отправляюсь я съ Нериссой. Вы меня
Обяжете душевно, предложенье
Мое принявъ. Васъ побудить къ тому
Должна моя привязанность, а также
Отчасти и необходимость.

ЛОРЕНЦО.

Я
Отъ всей души, синьора, радъ исполнить
Все то, что вы прикажете.

ПОРЦИЯ.

Мое
Рѣшеніе уже я объявила
Прислугѣ всей; повиноваться вамъ
И Джессикѣ она такъ точно будетъ,
Какъ мнѣ самой и мужу моему.
Прощайте же, пока мы снова съ вами
Увидимся.

ЛОРЕНЦО.

Да провожаютъ васъ
Счастливые часы и духъ веселый!

ДЖЕССИКА.

Желаю вамъ всѣхъ радостей души.

ПОРЦИЯ.

Благодарю за эти всѣ желанья,
И съ радостью ихъ посылаю вамъ.
Ну, Джессика, прощайте.

(Лоренцо и Джессика уходятъ.)

Бальтазаръ,
Ты былъ всегда и преданнымъ, и вѣрнымъ
Слугою мнѣ: будь и теперь такимъ.

(Даетъ ему письмо.)

Возьми письмо и мчись, на сколько хватить
Силь у тебя, съ нимъ въ Падую, а тамъ
Отдай его ты въ собственныя руки
Двоюродному брату моему,
Белларіо. Онъ дастъ тебѣ бумаги
И платье; ты, какъ можно поскорѣй,
Ихъ привези на пристань, отъ которой
Суда плывутъ въ Венецію. Не трать
Здѣсь времени въ словахъ. Ступай скорѣе:

Меня ты тамъ застанешь.

БАЛЬТАЗАРЪ.

Поспѣшу
Исполнить все, не медля ни минуты.

(Уходитъ.)

ПОРЦІЯ.

Пойдемъ теперь, Нерисса. У меня
Есть планъ одинъ, который неизвѣстенъ
Еще тебѣ. Своихъ мужей скорѣе
Увидимъ мы, чѣмъ думаютъ они.

НЕРИССА.

Ну, а они увидятъ насъ?

ПОРЦІЯ.

Увидятъ,
Но подъ такой одеждою, что намъ
Припишутъ то, чего мы не имѣемъ.
Держу пари на все, что хочешь ты:
Что если мы съ тобою нарядимся
Въ мужской костюмъ, я превзойду тебя
И ловкостью, и удалью, и буду
Свой мечъ носить красиво и легко,
И говорить тѣмъ дискантомъ, который
Всегда обозначаетъ переходъ
Отъ мальчика къ мужчинѣ. Замѣню я
Нашъ мелкій шагъ походкою мужской;
Какъ юноша хвастливый и горячій,
Я буду все о ссорахъ говорить
И ловко лгать о томъ, какъ добивались

Моей любви знатнѣйшія изъ дамъ
И какъ онѣ, отвергнутыя мною,
Въ страданіяхъ кончали жизнь свою.
«Ну, да и какъ — прибавлю я — мнѣ было
Хватить на всѣхъ. Конечно въ этомъ я
Раскаялся и очень сожалѣю,
Что ихъ убилъ...» И сколько небылицъ
Я наскажу въ такомъ же миломъ родѣ,
Чтобъ всякій могъ поклясться, что прошелъ
Ужъ вѣрно годъ, какъ я учиться кончилъ.

Въ моемъ умѣ есть пропасть всякихъ штукъ
Во вкусѣ тѣхъ болтливыхъ хвастунишекъ;
Я примѣню ихъ къ дѣлу.

НЕРИССА.

Значить, мы
Теперь, въ мужчинъ, синьора, превратимся?

ПОРЦІЯ.

Что за вопросъ! Какъ былъ бы онъ хорошъ,
Когда бъ его ты сдѣлала при людяхъ,
Двусмысленно толкующихъ слова!
Идемъ однако, планъ же мой подробно
Я объясню въ каретѣ; ждетъ она
У парка насъ. Спѣшить ужасно намъ придется:
Вѣдь, сдѣлать двадцать миль сегодня остается.

(Уходятъ.)

СЦЕНА V.

Бельмонтъ. Садъ.

Входятъ Ланчелотъ и Джессика.

Ланчелотъ. Да, это такъ, потому что, видите ли, грѣхи родителей всегда падаютъ на дѣтей. Отъ этого я и обѣщаю вамъ, что постоянно буду бояться за васъ. Я всегда былъ откровененъ съ вами, оттого и объ этомъ дѣлѣ докладываю вамъ свое разсужденіе. Поэтому, пожалуйста, не унывайте. Я въ самомъ дѣлѣ думаю, что вы пропадете. Правда, есть еще надежда, что этого не случится, но и эту надежду можно назвать незаконнорожденной.

Джессика. Какая же это надежда, скажи, пожалуйста?

Ланчелотъ. Да такая, что вы можете отчасти надѣяться, что не вашъ папенька произвелъ васъ на свѣтъ — что вы не дочь жида.

Джессика. Да, это дѣйствительно какая-то незаконнорожденная надежда. Но въ этомъ случаѣ на меня упадутъ грѣхи моей матери.

Ланчелотъ. Это точно. Ну, такъ значить, мнѣ слѣдуетъ бояться, что вы пропадете и по папенькѣ, и по маменькѣ. Избѣгая Сциллу, то-есть вашего батюшку, я попадаю въ Харибду, то-есть вашу матушку. Вотъ и выходитъ, что вы пропали и съ той, и съ другой стороны.

Джессика. Меня спасетъ мой мужъ: онъ сдѣлалъ меня христіанкой.

Ланчелотъ. За это онъ достоинъ еще большаго порицанія. Насъ и безъ того довольно христіанъ на свѣтѣ — какъ разъ столько, сколько нужно, чтобъ имѣть возможность мирно жить вмѣстѣ. Это обращеніе въ католическую вѣру возвыситъ только цѣну на свиней, такъ какъ если мы всѣ начнемъ ѣсть свинину, то скоро ни за какія деньги не достанешь жаренаго сала.

Входитъ Лоренцо.

Джессика. Я передамъ моему мужу все, что вы мнѣ говорили,

Ланчелотъ; да вотъ онъ.

Лоренцо. Я скоро начну ревновать къ вамъ, Ланчелотъ, если вы не перестанете заводить мою жену въ темные уголки.

Джессика. Нѣтъ, Лоренцо, вамъ нечего беспокоиться о насъ. Ланчелотъ и я живемъ не въ ладу. Онъ мнѣ прямо говоритъ, что мнѣ нѣтъ спасенія въ небѣ, потому что я дочь жида, и прибавляетъ, что вы дурной членъ республики, потому что, обращая евреевъ въ христіанскую вѣру, увеличиваете тѣмъ цѣну на свинину.

Лоренцо. За это республика обвинить меня меньше, чѣмъ тебя за беременность негритянки. Однако, ступай, скажи прислугѣ, чтобъ у ней было скорѣе готово къ обѣду все.

Ланчелотъ. У ней и безъ того все готово: ея желудки на мѣстѣ.

Лоренцо. Какъ каждый глупецъ можетъ теперь острить и играть словами! Я думаю, что скоро дѣйствительное остроуміе будетъ выражаться въ молчаніи и что разговорчивость будетъ вмѣняться въ заслугу только попугаемъ. Ну, такъ скажи, чтобъ готовили обѣдъ.

Ланчелотъ. И это сдѣлано - только не накрыто.

Лоренцо. Такъ угодно вамъ будетъ накрыть?

Ланчелотъ (*держитъ шляпу въ руку*). О, нѣтъ, въ вашемъ присутствіи ни за что: я знаю свою обязанность.

Лоренцо. Опять игра въ слова? Ты, видно, хочешь выказать въ одно мгновеніе все богатство своего ума? Пожалуйста, понимай просто простыя слова. Поди къ своимъ товарищамъ и прикажи имъ накрыть на столъ и подавать блюда, а мы скоро придемъ обѣдать.

Ланчелотъ. Что касается стола, синьоръ, то онъ будетъ поданъ; что касается блюдъ, синьоръ, то они будутъ накрыты; что же касается вашего прибытія къ обѣду,

411

синьоръ, то въ этомъ позвольте соображаться съ вашимъ желаніемъ и фантазіею. (*Уходитъ*.)

Лоренцо.

О, Господи, какая болтовня!
Глупецъ набралъ остротъ различныхъ войско
И помѣстилъ ихъ въ памяти своей.
Я и другихъ глупцовъ не мало знаю
Изъ высшаго сословья, но, какъ онъ
Остротами себя вооружившихъ,
И, чтобы въ ходъ пустить одну изъ нихъ,
Готовыхъ въ бой вступить со здравымъ смысломъ.
Ну, Джессика, какъ поживаешь ты?
Теперь скажи, мой ангелъ, откровенно,
Какъ ты нашла Бассаніо жену?

ДЖЕССИКА.

Хвалить ее нѣтъ словъ. Необходимо,
Чтобъ жизнь примѣрной жилъ синьоръ
Бассаніо: когда такое благо
Въ своей женѣ онъ встрѣтилъ, то найдетъ
Здѣсь на землѣ всѣ наслажденья неба;
А если онъ ихъ не оцѣнитъ здѣсь,
То никогда не будетъ и на небѣ.
Да, если бы случилось двумъ богамъ
Держать пари на двухъ изъ смертныхъ женщинъ
И Порція была одной изъ нихъ:
То ужъ къ другой пришлось бы непременно
Хоть что-нибудь прибавить, потому
Что равной ей нѣтъ въ этомъ жалкомъ мірѣ.

ЛОРЕНЦО.

Имѣешь ты во мнѣ, какъ въ мужѣ, то,
Чѣмъ Порція богата, какъ супруга.

ДЖЕССИКА.

На этотъ счетъ и мнѣніе мое
Вамъ надо бы спросить.

ЛОРЕНЦО.

Спрошу сейчасъ же.
Пойдемъ сперва обѣдать.

ДЖЕССИКА.

Нѣтъ, хочу
Вамъ похвалу сказать теперь, покамѣстъ
Я не сыта.

ЛОРЕНЦО.

Нѣтъ, я прошу тебя —
Прибереги къ обѣду эти рѣчи.
Тамъ, что бы ты мнѣ ни сказала — все
Переварю я съ прочими вещами.

ДЖЕССИКА.

Ну, хорошо, я васъ разоблачу.

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Венеція. Зала суда.

*Входятъ Дожъ, Сенаторы, Антоніо, Бассаніо,
Граціано, Саларино, Соланіо и другіе.*

Дождь.

Что жъ, здѣсь Антоніо?

Антоніо.

Здѣсь, ваша свѣтлость:
Жду вашихъ приказаній.

Дождь.

Мнѣ тебя
Душевно жаль: вѣдь, ты имѣешь дѣло
Съ противникомъ изъ камня. Эта тварь —
Не человѣкъ: жалѣть онъ не способенъ,
И не найдетъ никто въ его душѣ
Ни капли состраданья.

Антоніо.

Мнѣ сказали,
Свѣтлѣйшій дождь, что очень сильно вы
Изволили стараться, чтобъ немного
Жестокою претензію смягчить.
Но такъ какъ онъ упорствуетъ въ рѣшеніи
И такъ какъ нѣтъ законныхъ средствъ меня
Освободить отъ ненависти этой,
То бѣшенству его противопоставить
Терпѣніе я долженъ. Я себя
Вооружилъ спокойствіемъ душевнымъ,
Чтобъ выдержать тиранство все его
И лютой гнѣвъ.

Дождь.

Подите, позовите
Сюда жида.

Соланіо.

Онъ ждетъ ужъ у дверей,
Свѣтлѣйшій дождь. Вотъ онъ.

Входитъ Шейлокъ.

Дождь.

Очистить мѣсто!
Пусть онъ стоитъ предъ нами. Ну, Шейлокъ,
Всѣ думаютъ, и я такъ полагаю,

Что эту роль злодѣя хочешь ты
Разыгрывать лишь до развязки дѣла;
Но что когда наступитъ этотъ часъ,
Ты выкажешь раскаянье и жалость,
Которыя всѣхъ поражаютъ сильнѣй,
Чѣмъ мнимое твое жестокосердье.
Всѣ ждутъ, что ты, настаивая такъ
На этой неустойкѣ — фунтѣ мяса
Отъ этого несчастнаго купца,
Не только не захочешь неустойки,
Но, движимый душевной добротой

412

И кротостью, часть даже суммы долга
Простишь ему; что состраданья взоръ
Ты обратишь на всѣ его потери,
Которыя недавно на него
Обрушились — потери, что могли бы
И царственнаго разорить купца
И возбудить участие даже въ людяхъ
Съ желѣзною иль каменной душой,
Въ татаринѣ иль туркѣ непреклонномъ,
Котораго никто не воспиталъ
Для жалости. Жидъ, добраго отвѣта
Ждемъ отъ тебя.

ШЕЙЛОКЪ.

Намѣренья свои
Я объяснилъ вамъ прежде, ваша свѣтлость.
Я нашею субботою святой
Поклялся въ томъ, что получу уплату
По векселю. Коль захотите вы
Мнѣ отказать — нарушите законы
И вольности республики своей.
Вы спросите, зачѣмъ предпочитаю
Тремъ тысячамъ червонцевъ мяса фунтъ
Негоднаго? На это не желаю
Я отвѣчать. Положимъ, что скажу:
«Такой мой вкусъ!» Отвѣтъ ли это будетъ?
Представьте вотъ, что крыса завелась
Въ моемъ дому и не даетъ покоя,
И я тому, кто отравитъ ее,
Хочу отдать червонцевъ десять тысячъ.
Достаточно для васъ такой отвѣтъ?

Есть многіе, которые не любятъ
Смотрѣть на пасть раскрытую свиньи;
Другой готовъ, при видѣ кошки, просто
Сойти съ ума; иной, волынки звукъ
Заслышавши случайно передъ носомъ,
Никакъ мочи не можетъ удержать.
Фантазія, страстей владыка, ими
Руководитъ и направляетъ ихъ
Согласно съ тѣмъ, что ей или противно,
Иль нравится. Теперь вотъ мой отвѣтъ:
Коль объяснить нельзя опредѣленно
Причинъ того, что одному свинья
Съ открытымъ ртомъ противна, а другому —
Безвреднѣйшій и нужный въ домѣ котъ,
А третьему — звукъ вздувшейся волынки,
А что они невольно платятъ всѣ
Дань слабости такой неотвратимой,
И, сами будучи угнетены,
Гнетутъ другихъ: такъ точно не могу я
И не хочу представить вамъ другихъ
Причинъ, какъ та, что ненависть и злобу
Питаю я къ Антонію, что онъ
Противенъ мнѣ, и лишь изъ-за того я
Веду такой убыточный процессъ
Противъ него. Довольны вы отвѣтомъ?

БАССАНІО.

Нѣтъ, человекъ безчувственный, такимъ
Отвѣтомъ ты не можешь оправдаться
Въ жестокости упорной.

ШЕЙЛОКЪ.

Угождать
Отвѣтами тебѣ я не обязанъ.

БАССАНІО.

Какъ будто бы всѣ убиваютъ тѣхъ,
Кого они не любятъ?

ШЕЙЛОКЪ.

А какъ будто
Мы ненависть питать способны къ тѣмъ,
Кого убить желанья не имѣемъ?

БАССАНІО.

Не всякая обида вдругъ родитъ
Вражду на смерть.

ШЕЙЛОКЪ.

Какъ, развѣ ты позволишь
Змѣѣ тебя два раза укусить?

АНТОНИО.

Подумайте — вы споръ съ жидомъ ведете.
Поймите же — вѣдь, это все равно,
Что стать на берегу и приказанье
Волнамъ отдать, чтобъ высоту свою
Понизили онѣ, или у волка
Стать спрашивать, зачѣмъ овечку онѣ
Кручиниться по дѣтямъ заставляеть,
Иль запретить соснамъ, жилицамъ горь,
Размахивать высокими верхами
И не шумѣть, когда небесный вихрь
Волнуетъ ихъ. Скорѣе вамъ удастся
Труднѣйшую работу совершить,
Чѣмъ жалостью наполнить эту душу
Жидовскую: труднѣе ничего
На свѣтѣ нѣтъ. Поэтому, прошу васъ
Не предлагайте больше ничего,
Оставьте всѣ дальнѣйшія попытки,
Но поскорѣй и прямо надо мной
Свершите судъ, исполните желанье
Жида.

БАССАНИО.

Смотри, шесть тысячъ я даю
На мѣсто трехъ.

ШЕЙЛОКЪ.

Когда бъ червонецъ каждый
Въ тѣхъ тысячахъ имѣлъ хоть шесть частей,
И каждая червонецъ составляла
Въ отдѣльности, я и тогда бы ихъ
Не взялъ отъ васъ: я требую уплаты
По векселю.

ДОЖЬ.

Какъ можешь ожидать
Ты милости, коль самъ ее не знаешь?

ШЕЙЛОКЪ.

Когда я правъ, какой мнѣ страшень судъ?
Обдумайте вы вотъ что: есть не мало
У васъ рабовъ; а такъ какъ вы себѣ

Собаками, мулами, тѣхъ людей
На рабскія, презрѣнныя работы
Вы гоните. Скажи теперь я вамъ:
«Пустите ихъ на волю; пожените
Ихъ на своихъ наслѣдницахъ. Зачѣмъ
Подъ ношами тяжелыми потѣютъ
Несчастные? Пускай постели ихъ
По мягкости не уступаютъ вашимъ;
Пусть блюда тѣ, что кушаете вы,
Ихъ нѣба услаждаютъ.» Вы на это
Сказали бѣ мнѣ, «рабы всѣ эти намъ
Принадлежать.» Ну, такъ и я отвѣчу:
Тотъ мяса фунтъ, котораго теперь
Я требую, мнѣ очень много стоитъ;
Онъ мой, и я хочу имѣть его.
Откажете — я плюну на законы
Венеціи въ нихъ, значить, силы нѣтъ.
Я жду суда. Дождусь ли — отвѣчайте?

Дожь.

Я властію своею распущу
Собраніе, коль нынче не пріѣдетъ
Белларіо, ученый докторъ: я
За нимъ послалъ для разрѣшенья дѣла.

СОЛАНІО.

Тамъ на дворѣ ждетъ посланный съ письмомъ
Отъ доктора: онъ только что пріѣхалъ
Изъ Падуи.

Дожь.

Позвать его; письмо же
Принестъ сюда.

БАССАНІО.

Будь веселѣй, мой милый
Антоніо! Пріободришь! Скорѣе
Презрѣнный жидъ возьметъ мои всѣ кости
И плоть мою, и кровь, и все, чѣмъ ты
Изъ-за меня лишишься капли крови.

АНТОНІО.

Другъ, въ стадѣ я паршивая овца,
И мнѣ итти приличнѣе на бойню,
Чѣмъ всѣмъ другимъ: гнилѣйшій плодъ всегда
Скорѣй другихъ на землю упадаетъ.
Пусть и со мной такъ будетъ. Ничего
Не сдѣлаешь ты лучше, другъ Бассаніо,
Какъ жить и мнѣ надгробье сочинить.

Входитъ НЕРИССА, одѣтая писаремъ.

ДОЖЪ.

Изъ Падуи ты прибылъ, отъ Белларьо?

НЕРИССА.

Такъ точно. Онъ свидѣтельствуетъ вамъ
Почтеніе. (*Подаетъ ему письмо.*)

БАССАНИО (*Шейлоку*).

Зачѣмъ ты такъ усердно
Свой точишь ножъ?

ШЕЙЛОКЪ.

Готовлюсь рѣзать имъ
У этого банкрота неустойку.

ГРАЦІАНО.

Жестокій жидъ, не на подошвѣ ты
Свой точишь ножъ, а на душѣ. Металлу
Ни одному, сѣкиръ палача
Со злобою твоею не сравниться
По остротѣ. Ужели ни одной
Мольбой тебя не тронуть?

ШЕЙЛОКЪ.

Ни одною,
Какую бы ни изобрѣлъ твой умъ.

ГРАЦІАНО.

О, проклять будь ты, песь неумолимый!
А жизнь твоя укоромъ злымъ пусть будетъ
Правдивости! Я, право, начинаю
Ужъ въ вѣрѣ колебаться и готовъ,
Какъ Пифагоръ, доказывать, что души
Звѣрей въ тѣла людскія переходятъ.
Твой гнусный духъ жилъ въ волкѣ, и когда
Его за растерзанье челоуѣка
Повѣсили — свирѣпая душа,
Освободясь изъ петли, улетѣла,

И, между тѣмъ какъ въ матери своей
Нечистой ты лежалъ еще — вселилась
Она въ тебя. Ты настоящій волкъ:
Какъ онъ, жестокъ, свирѣпъ и кровожаденъ.

ШЕЙЛОКЪ.

Ругательствамъ твоимъ не соскоблить
На векселѣ печати. Значить, крикомъ
Ты лишь свою печенку надорвешь.
Побереги, о, юноша любезный,
Свой острый умъ: не то навѣки онъ
Разрушится. Я жду здѣсь правосудья.

ДОЖЬ.

Белларіо рекомендуетъ намъ
Ученаго и мудраго юриста.
Гдѣ жъ онъ?

НЕРИССА.

Онъ здѣсь по близости и ждетъ,
Угодно ль вамъ принять его?

ДОЖЬ.

Съ охотой
Полнѣйшею. Пусть четверо изъ васъ
Введутъ его съ почетомъ. А покамѣсть
Прочеть суду Белларіо письмо.

Писецъ (*читаетъ*). «Имѣю честь доложить вашей свѣтлости, что ваше письмо застало меня совсѣмъ больнымъ; но въ ту самую минуту, какъ пріѣхалъ вашъ посланный, я имѣлъ удовольствіе принимать у себя молодого доктора изъ Рима. Имя его Бальтазаръ. Я познакомилъ его съ процессомъ, возникшимъ между жидомъ и купцомъ Антонію; мы просмотрѣли вмѣстѣ много книгъ. Онъ знаетъ мое мнѣніе и сообщитъ его вамъ, придавъ ему большую цѣну своею собственною ученостью, обширность которой я не могу достаточно похвалить; по моей просьбѣ,

414

онъ исполнитъ, вмѣсто меня, желаніе вашей свѣтлости. Умоляю васъ, не смотря на его молодость, не отказывать ему въ должномъ уваженіи, потому что я никогда не встрѣчалъ такого молодаго тѣла съ такой старой головой. Поручаю его вашему благосклонному приему, но испытаніе на дѣлѣ послужитъ ему самою лучшею рекомендаціею».

ДОЖЬ.

Вы слышите, что пишетъ нашъ мудрецъ
Белларіо? Вотъ, кажется, и докторъ.

Входитъ Порція, одѣтая адвокатомъ.

До жъ.

Пожалуйте мнѣ вашу руку. Вы
Отъ стараго Белларіо?

Порція.

Такъ точно.

До жъ.

Привѣтствую отъ сердца и прошу
Садиться. Вамъ уже извѣстна тяжба,
Которая собрала этотъ судъ.

Порція.

Я знаю всѣ подробности. Скажите,
Гдѣ здѣсь купецъ, гдѣ жидъ?

До жъ.

Шейлокъ и ты,
Антоніо, поближе подойдите.

Порція.

Шейлокомъ васъ зовутъ?

Шейлокъ.

Меня зовутъ
Шейлокомъ.

Порція.

Искъ затѣяли вы странный;
Но вмѣстѣ съ тѣмъ такого рода онъ,
Что помѣшать не могутъ вамъ законы
Венеціи. (*къ Антоніо.*) Такъ это вы въ такой
Опасности?

Антоніо.

Да, такъ онъ утверждаетъ.

Порція.

Вы признаете вексель?

Антоніо.

Признаю.

Порція.

Такъ долженъ жидъ явиться милосердымъ.

ШЕЙЛОКЪ.

А по какой причинѣ долженъ, вы
Скажите мнѣ?

ПОРЦІЯ.

По принужденью милость
Не дѣйствуетъ, а падаетъ она,
Какъ тихій дождь, струящійся на землю
Изъ облаковъ. Благословенье въ ней
Сугубое: она благословляетъ
Тѣхъ, кто даетъ и кто беретъ ее.
Сильнѣй всего она въ рукахъ у сильныхъ;
Она — царямъ приличнѣе вѣнца;
Монарховъ скиптръ знакъ временной ихъ силы,
Онъ — атрибутъ величья; изъ него
Исходитъ страхъ предъ властью государей.
Но скиптра мощь предъ милостью — ничто.
Въ сердцахъ царей владычествуетъ милость,
Какъ атрибутъ Всевышняго — и та
Земная власть всѣхъ ближе къ власти Бога,
Которая и правый судъ творитъ,
И милуетъ. Жидъ, ты на правосудье
Ссылаешься, но взвѣсь мои слова:
Когда бъ всегда законы исполнялись
Съ буквальною, никто бъ изъ насъ не могъ
Спасти себя. О милости взываемъ
Въ молитвѣ мы, и милосердымъ быть
Насъ эта же молитва научаетъ.
Я говорю все это для того,
Чтобъ чѣмъ-нибудь смягчить твой искъ законный;
Но если ты настаиваешь въ немъ,
То строгій судъ Венеціи обязанъ
Постановить рѣшенье надъ купцомъ.

ШЕЙЛОКЪ.

На голову мою мои поступки
Пусть падаютъ. Я требую суда
Законнаго — я требую уплаты
По векселю.

ПОРЦІЯ.

Да развѣ деньги онъ
Внести не въ состоянъ?

БАССАНИО.

Нѣтъ, напротивъ.
Здѣсь, предъ судомъ, всю сумму я сполна
Даю ему — удвоиваю даже.
Коли и тѣмъ онъ не доволенъ — я
Ему отдамъ хотъ вдесятеро столько
И головой, и сердцемъ, и рукой
Въ томъ поручусь. А если не доволенъ
И этимъ онъ — такъ нѣтъ сомнѣнья въ томъ,
Что хочеть злость попрасть прямую честность.
Я васъ молю — предъ властію своей
Хотъ разъ одинъ законъ вы преклоните;
Я васъ молю — неправду совершить
Малѣйшую изъ-за великой правды,
И демона свирѣпаго, что имъ
Руководить, смирить своимъ рѣшеньемъ.

ПОРЦІЯ.

Нѣтъ, такъ нельзя. Уставленный законъ
Перемѣнить нельзя ничьею властью
Въ Венеціи. Какъ происшедшій фактъ,
Запишется рѣшеніе такое,
И вторгнется затѣмъ не мало зла
Въ республику по этому примѣру.
Нѣтъ, такъ нельзя.

ШЕЙЛОКЪ.

О, это Даніиль

415

Пришелъ судить! да, Даніиль! О, юный
Мудрецъ-судья, какъ сильно и высоко
Я чту тебя!

ПОРЦІЯ.

Позвольте мнѣ взглянуть
На вексель вашъ.

ШЕЙЛОКЪ.

Вотъ онъ, почтенный докторъ,
Вотъ онъ.

ПОРЦІЯ.

Шейлокъ, вѣдь, втрое заплатитъ
Тебѣ хотять.

ШЕЙЛОКЪ.

А клятва, клятва? Небу
Я клятву далъ. На душу тяжкій грѣхъ
Не положу я клятвопреступленьемъ.
Нѣтъ, нѣтъ, за всю Венецію того
Не сдѣлаю.

ПОРЦІЯ.

Итакъ — просрочень вексель;
По немъ вполнѣ законно можетъ жидъ
Взять, вырѣзавъ, какъ можно ближе къ сердцу,
Фунтъ мяса. Нѣтъ ты сжалишься, Шейлокъ:
Возьми себѣ тройную сумму долга,
И прикажи мнѣ вексель разорвать.

ШЕЙЛОКЪ.

Тогда скажу, когда по немъ уплату
Всю получу. Мы ясно видимъ всѣ,
Что вы судья достойнѣйшій: законы
Знакомы вамъ, отлично дѣло все
Вы поняли, и потому, во имя
Законности, которая нашла
Въ васъ вѣрную, достойную опору,
Я васъ прошу окончить этотъ судъ.
Клянусь душой, поколебать не въ силахъ
Ничей языкъ рѣшеніе мое.
Я требую по векселю уплаты.

АНТОНІО.

Отъ всей души я умоляю судъ
Произнести свой приговоръ.

ПОРЦІЯ.

Да будетъ
По вашему. Приготовляйте грудь
Его ножу.

ШЕЙЛОКЪ.

О, юноша прекрасный,
О, судія правдивый!

ПОРЦІЯ.

Потому,
Что духъ и текстъ закона совершенно
Согласны съ тѣмъ взысканіемъ, что здѣсь,
Въ семь векселѣ, означено такъ ясно.

ШЕЙЛОКЪ.

Такъ, точно такъ. О, мудрый судія,
Правдивѣйшій! На сколько же ты старше,
Чѣмъ кажешься!

ПОРЦІЯ (*къ Антонію*).

Итакъ, раскройте грудь.

ШЕЙЛОКЪ.

Да, грудь его: такъ сказано въ роспискѣ —
Не правда ли, почтеннѣйшій судья?
Такъ сказано: какъ можно ближе къ сердцу —
Не такъ ли?

ПОРЦІЯ.

Да. А есть ли здѣсь вѣсы?
Они нужны, чтобъ свѣсить мясо.

ШЕЙЛОКЪ.

Какъ же!
Я ихъ принесъ.

ПОРЦІЯ.

Такъ припасите тоже
На вашъ же счетъ хирурга, чтобъ ему
Перевязалъ онъ рану — а иначе
Онъ кровію, пожалуй, изойдетъ.

ШЕЙЛОКЪ.

А въ векселѣ написано объ этомъ?

ПОРЦІЯ.

Не писано, но это все равно,
Конечно, вы должны изъ состраданья
Такъ поступить.

ШЕЙЛОКЪ (*глядя на вексель*).

Нѣтъ, не могу найти
Я въ векселѣ условіе такое.

ПОРЦІЯ.

Ну, вы, купецъ — имѣете ль сказать
Намъ что-нибудь?

АНТОНІО.

Имѣю очень мало.
Вооружень и приготовлень я.

Бассаніо, прощайте — вашу руку!
Я васъ прошу не горевать, что вы
Виной того, что сдѣлалось со мною:
Судьба ко мнѣ добрѣ отнеслась,
Чѣмъ къ множеству другихъ. Обыкновенно,
Кто потерпѣлъ крушенье, обречень
Переживать богатство и съ глазами
Потухшими, съ морщинистымъ челомъ,
Вѣкъ нищеты влачить. А я избавлень
Отъ этого страданія судьбой.
Привѣтъ мой шлю женѣ достойной вашей;
Скажите ей, какъ я окончилъ жизнь,
Скажите, какъ я васъ любилъ; отдайте
Честь мертвому. Когда же свой рассказъ
Вы кончите, пускай она разсудитъ —
Имѣли ли вы друга на землѣ?
Не кайтесь въ томъ, что друга потеряли,
Какъ этотъ другъ не кается, что долгъ
Вашъ заплатилъ: пусть только жидъ глубоко
Запуститъ ножъ — всѣмъ сердцемъ заплачу
Я этотъ долгъ немедленно.

БАССАНИО.

Антоньо,
Женился я на женщинѣ такой,

416

Которая дороже мнѣ всей жизни;
Но жизнь мою, жену мою, весь міръ
Я не цѣню дороже вашей жизни.
Все потерять все въ жертву принести
Вотъ этому чудовищу готовъ я,
Чтобъ васъ спасти.

ПОРЦІЯ.

Ну, если бы жена
Услышала, чѣмъ жертвовать хотите
Вы для него, не слишкомъ-то она
Была бы вамъ за это благодарна.

ГРАЦІАНО.

И я женатъ — люблю свою жену.
Но былъ бы радъ, чтобъ въ небесахъ витала
Она теперь, когда бъ изъ вышнихъ силъ

Хотя одну могла склонить къ смягченью
Паршиваго жида.

НЕРИССА.

Ну, хорошо,
Что за ея спиной вы говорите
Такую вещь; иначе шумъ большой
У васъ въ дому изъ-за нея поднялся бѣ.

ШЕЙЛОКЪ (*въ сторону*).

Вотъ какова супружеская жизнь
У христіанъ! Я дочь одну имѣю,
Но лучше бы желалъ, чтобъ мужемъ ей
Былъ человѣкъ изъ племени Варравы,
Чѣмъ кто-нибудь изъ христіанъ.
(*Вслухъ.*) Къ чему
Напрасно мы растрчиваемъ время?
Прошу тебя скорѣе приговоръ
Произнести.

ПОРЦІЯ.

Такъ мяса фунтъ изъ тѣла
Сего купца принадлежитъ тебѣ;
Законъ его даетъ, судъ — присуждаетъ.

ШЕЙЛОКЪ.

Правдивѣйшій судья!

ПОРЦІЯ.

И этотъ фунтъ
Ты вырѣзать обязанъ близко къ сердцу:
Такъ судъ рѣшилъ, такъ говоритъ законъ.

ШЕЙЛОКЪ.

Ученѣйшій судья! Вотъ приговоръ-то,
Такъ приговоръ. Ну, къ дѣлу поскорѣй!

ПОРЦІЯ.

Нѣтъ, погоди — еще не все. По этой
Роспискѣ ты имѣешь право взять
Лишь мяса фунтъ; въ ней именно: *фунтъ мяса*
Написано; но права не даетъ
Она тебѣ ни на одну кровинку.
Итакъ бери, что слѣдуетъ тебѣ —
Фунтъ мяса; но, вырѣзывая мясо,
Коль каплю крови христіанской ты
Прольешь — твои имущества и земли

Возьметъ казна республики себѣ.
Таковъ законъ Венеціи.

ГРАЦІАНО.

О, мудрый!
Жидъ, замѣчай! О, праведный судья!

ШЕЙЛОКЪ.

Таковъ законъ?

ПОРЦІЯ.

Ты самъ его увидишь.
И такъ какъ ты правдиваго суда
Здѣсь требуешь, то вѣрь, что въ большей мѣрѣ,
Чѣмъ хочешь ты, онъ будетъ совершенъ.

ГРАЦІАНО.

О, судія ученѣйшій, мудрѣйшій!
Жидъ замѣчай! О, праведный судья!

ШЕЙЛОКЪ.

Ну, если такъ, на ваше предложеніе
Согласенъ я: отдайте втрое мнѣ
По векселю и пусть себѣ уходитъ
Христіанинъ.

БАССАНИО.

Вотъ деньги.

ПОРЦІЯ.

Нѣтъ, пока
Еще не все. Узнаетъ правосудье
Жидъ до конца. Не надобно спѣшить.
Получитъ онъ одну лишь неустойку —
Не болѣе.

ГРАЦІАНО.

О, жидъ, что за судья
Правдивѣйшій, ученѣйшій, мудрѣйшій!

ПОРЦІЯ.

Готовься же ты мясо у него
Вырѣзывать; не забывай, что крови
Нельзя пролить; да помни: ровно фунтъ
Вырѣзывать, ни больше и ни меньше.
Коль вырѣжешь ты болѣе, чѣмъ фунтъ,
Иль менѣе, коль вѣсь его усилишь,

Иль уменьшишь на сотую хоть часть
Ничтожнѣйшаго скрупула, коль только
Хоть на волосъ наклонится игла
Твоихъ вѣсовъ, то смерть тебя постигнетъ,
Имущество жъ твое пойдетъ въ казну.

ГРАЦІАНО.

Вотъ Даніиль! Жидъ, Даніиль предъ нами.
А, нехристь, ты теперь въ моихъ рукахъ!

ПОРЦІА.

Что жъ сталъ ты, жидъ? Бери свой долгъ.

ШЕЙЛОКЪ.

Отдайте
Мой капиталъ — и я сейчасъ уйду.

БАССАНІО.

Вотъ онъ: тебѣ его я приготовилъ.

ПОРЦІА.

Онъ отъ него отрекся предъ судомъ.
По точному условію росписки
Получить онъ уплату.

ГРАЦІАНО.

Даніиль —

417

Онъ Даніиль второй, я повторяю.
Спасибо, жидъ, что подсказалъ ты мнѣ
Сравненіе такое.

ШЕЙЛОКЪ.

Неужели
Не получу и капитала я?

ПОРЦІА.

Получишь ты одну лишь неустойку:
Бери ее на собственный свой страхъ.

ШЕЙЛОКЪ.

Такъ пусть съ нее беретъ уплату дьяволь!
Мнѣ нечего здѣсь больше толковать.

ПОРЦІА.

Нѣтъ, жидь, постой. Законный судъ имѣеть
Еще одну претензію къ тебѣ.
Республики законъ постановляетъ,
Что если иностранецъ посягнетъ
На жизнь кого-нибудь изъ гражданъ, прямо
Иль косвенно, и это предъ судомъ
Докажется, то часть его имѣнья
Идетъ тому, кому онъ угрожалъ
Погибелью; другую жъ половину
Беретъ казна республики. А жизнь
Виновнаго отъ милосердыя дожа
Зависитъ вся: одинъ лишь дожъ казнить
Иль миловать его имѣеть право.
Поэтому — я говорю — къ тебѣ
Имѣеть судъ претензію: улики
Всѣ говорятъ, что посягалъ на жизнь
Отвѣтчика ты косвенно и прямо,
И этимъ то возмездье заслужилъ,
Которое здѣсь высказано мною.
Пади же ницъ и дожа умоляй
О милости.

ГРАЦІАНО.

Проси; чтобъ позволенье
Онъ далъ тебѣ пойти и самому
Повѣситься: но такъ какъ поступаетъ
Имущество твое сполна въ казну,
И не на что тебѣ купить веревку —
То слѣдуетъ тебя повѣсить, жидь,
На счетъ казны.

ДОЖЪ.

Чтобъ нашихъ чувствъ различье
Увидѣлъ ты, я жизнь тебѣ дарю
Безъ просьбъ твоихъ. Часть твоего имѣнья
Антоніо возьметъ; другая часть
Пойдетъ въ казну республики. Покаясь,
Ты превратить все это можешь въ штрафъ.

ПОРЦІА.

Да, для казны — не для Антоньо.

ШЕЙЛОКЪ.

НѢТЬ!

Берите все, берите жизнь мою:

Не нужно мнѣ пощады. Отымая
Подпоры тѣ, которыми мой домъ
Весь держится, вы цѣлый домъ берете;
Лишая средствъ для жизни — жизни всей
Лишаете.

ПОРЦІЯ.

Антоніо, что сдѣлать
Вы для него хотите?

ГРАЦІАНО.

Дать ему
Безденежно веревку — и затѣмъ
Ужъ ничего другого, ради Бога!

АНТОНІО.

Коли хотятъ свѣтлѣйшій дожъ и судъ
Не брать съ него законной половины
Имущества его — согласенъ я,
Съ тѣмъ, чтобы мнѣ другую половину
Онъ далъ займы, съ условьемъ возратить
Ее, когда онъ кончитъ жизнь, синьору,
Который дочъ похитилъ у него.
Но, сверхъ того, за это снисхожденье,
Я требую, во-первыхъ, чтобъ сейчасъ
Крестился онъ, а во-вторыхъ, чтобъ запись
Формальную суду представилъ въ томъ,
Что все свое имущество по смерти
Онъ дочери и зятю передастъ.

ДОЖЪ.

Быть по сему. Иначе то прощенье,
Которое я далъ ему, тотчасъ
Возьму назадъ.

ПОРЦІЯ.

Жидъ, отвѣчай: доволенъ
Рѣшеньемъ ты?

ШЕЙЛОКЪ.

Доволенъ.

ПОРЦІЯ.

Секретарь,
Составьте актъ: пусть онъ его подпишетъ.

ШЕЙЛОКЪ.

Позвольте мнѣ уйти. Не хорошо
Я чувствую себя. Пришлите записку
Ко мнѣ домой — я дома подпишу.

Дождь.

Ступай; но все, какъ сказано, исполни.

ГРАЦИАНО.

Къ крещенію два крестные отца
Тебя сведутъ. Будь я твоимъ судьейю —
Я бѣ, вѣрно, далъ тебѣ не пару ихъ,
А дюжину, чтобъ не къ святой купели,
А къ висѣлицѣ проводить тебя.

(Шейлокъ уходитъ.)

Дождь *(Порціи)*.

Покорнѣйше прошу васъ отобѣдать
Со мной, синьоръ.

ПОРЦІЯ.

Покорнѣйше прошу,
Свѣтлѣйшій дождь, простить меня. Я долженъ
Сегодня въ ночь быть въ Падуѣ, и мнѣ
Поэтому необходимо ѣхать
Немедленно.

418

Дождь.

Жалѣю отъ души,
Что сильно такъ вы заняты. Антоньо,
Достойно вы должны вознаградить
Ученаго синьора: онъ услугу
Огромную вамъ нынѣ оказалъ.

(Дождь, сенаторы и свита уходятъ.)

БАССАНИО.

Достойнѣйшій синьоръ мой, ваша мудрость
Отъ страшнаго несчастья меня
И друга моего спасла сегодня.
За это мы спѣшимъ вамъ предложить
Три тысячи червонцевъ, припасенныхъ
Мной для жида.

АНТОНІО.

И все-таки у васъ
Останемся въ долгу до самой смерти —
Готовностью служить по мѣрѣ силъ.

ПОРЦІЯ.

Кто собственнымъ своимъ доволенъ дѣломъ,
Тотъ признаетъ, что съ щедростью ему
Заплачено; освобожденьемъ вашимъ
Доволенъ я — и потому считаю,
Что хорошо вы заплатили мнѣ.
Я никогда не зналъ другой корысти.
Когда опять мы встрѣтимся, прошу
Признать меня: вотъ все мое желанье.
Затѣмъ всѣхъ благъ желаю вамъ, и въ путь
Отправиться спѣшу.

БАССАНІО.

Синьоръ достойный,
Я принужденъ настаивать, чтобъ вы
Хоть что-нибудь на память согласились
Принять отъ насъ — принять, какъ дань любви,
Когда за трудъ вы не хотите платы.
Двѣ вещи лишь исполнить васъ прошу:
Согласье дать и извинить за просьбу.

ПОРЦІЯ.

Синьоръ, вы такъ настойчивы, что я
Вамъ отказать не въ силахъ.
(Къ Антонио). Дайте ваши
Перчатки мнѣ; я буду ихъ носить.

(Къ Бассаніо).

У васъ же я возьму вотъ этотъ перстень...
Отдернули вы руку? Не хочу
Я ничего другого — и, конечно,
Любя меня, не захотите вы
Въ немъ отказать.

БАССАНІО.

Синьоръ, вѣдь, этотъ перстень
Бездѣлица такая; стыдно мнѣ
Вамъ дать его.

ПОРЦІЯ.

Я ничего другого
Взять не хочу; такая мнѣ пришла
Фантазія.

БАССАНІО.

Я дорожу имъ больше,
Чѣмъ стоитъ онъ. Сейчасъ же отыщу,
Посредствомъ объявленья, лучшей перстень
Въ Венеціи и вамъ его отдамъ:
Но этотъ вы мнѣ удержать позвольте.

ПОРЦІЯ.

Какъ вижу я, вы щедры на словахъ.
Сперва меня просить вы научили,
Теперь урокъ даете ужъ другой —
Какъ отвѣчать просящему.

БАССАНІО.

Синьоръ
Добрѣйшій мой, дала мнѣ этотъ перстень
Моя жена, при чемъ — надѣвъ его
На палець мой — заставила поклясться,
Что никогда я не продамъ его,
Не подарю, не потеряю.

ПОРЦІЯ.

Это —
Одинъ предлогъ: для многихъ служить онъ
Лишь средствомъ — быть какъ можно экономнѣй
Въ своихъ дарахъ. Коль не сошла съ ума
У васъ жена, то, безъ сомнѣнья, зная,
Какъ хорошо умѣлъ я заслужить
Вашъ перстень здѣсь — не станетъ вѣчно злиться
За то, что вы мнѣ отдали его.
Ну, дѣлайте, какъ знаете. Прощайте.

(Уходитъ съ Нериссой.)

АНТОНІО.

Бассаніо, совѣтую отдать
Ему кольцо. Пускай моя любовь,
Съ услугою его соединившись,
Одержатъ верхъ надъ клятвою, что съ васъ
Жена взяла.

БАССАНІО.

Скорѣе, Граціано,
Бѣги за нимъ и догони его;
Отдай ему кольцо и, если можешь,
Къ Антоніо въ квартиру приведи
Его сейчасъ. Живѣе, Граціано.

(Граціано уходить.)

Идемъ же къ вамъ. А завтра рано утромъ
Мы полетимъ въ Бельмонтъ. Идемте, другъ.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Венеція. Улица.

Входятъ ПОРЦІА и НЕРИССА.

ПОРЦІА.

Узнай, гдѣ домъ Шейлока; эту записъ
Ему отдай, и пусть подпишетъ онъ.
Сегодня въ ночь уѣдемъ мы, и дома

419

Опередимъ на цѣлый день мужей.
Я думаю, Лоренцо эта записъ
Порадуетъ.

Входитъ ГРАЦІАНО.

ГРАЦІАНО.

Синьоръ, я счастливъ тѣмъ,
Что васъ догналъ. Бассанію, обдумавъ,
Мнѣ поручилъ вамъ передать кольцо,
И вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше васъ проситъ
Съ нимъ раздѣлить обѣдъ.

ПОРЦІА.

Никакъ нельзя.
За перстень я душевно благодаренъ
И васъ прошу синьору передать
Признательность мою. Прошу васъ также
Мнѣ указать домъ стараго жида.

ГРАЦІАНО.

Съ охотою.

НЕРИССА (*Порціи*).

Синьоръ, мнѣ нужно съ вами
Поговорить. (*Тихо.*) Хочу я испытать —
Удастся ль мнѣ у моего супруга
Взять то кольцо, съ которымъ никогда
Онъ клятву далъ не разставаться.

ПОРЦІА.

Смѣло
Ручаюсь я — удастся. Будутъ намъ
Они давать торжественныя клятвы,
Что отданы мужчинамъ кольца ихъ;
Но станемъ мы ихъ уличать въ противномъ
И громче ихъ доказывать... Теперь
Ступай скорѣй; ты знаешь, вѣдь, гдѣ буду
Я ждать тебя.

НЕРИССА (*Граціано*).

Такъ будьте такъ добры,
Квартиру мнѣ Шейлока покажите.

(*Уходятъ.*)

ДЕЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Бельмонтъ. Аллея, ведущая къ дому Порціи.

Входятъ Лоренцо и Джессика.

Лоренцо.

Луна блеститъ. Въ такую ночь, какъ эта,
Когда зефиръ деревья цѣловаль,
Не шелестя зеленою листвою —
Въ такую ночь, я думаю, Троиль
Со вздохами всходилъ на стѣны Трои,
И улеталъ тоскующей душой
Въ станъ греческій, гдѣ милая Крессиде
Покоилась въ ту ночь.

Джессика.

Въ такую ночь
Тревожно шла въ травѣ росистой Тизба
И тѣнь отъ льва увидѣвъ прежде льва,
Вся ужасомъ объятая, пустилась
Стремительно бѣжать.

Лоренцо.

Въ такую ночь
Печальная Дидона, съ вѣткой ивы,
Стояла на пустынномъ берегу,
И милаго той вѣткою манила

Вернуться въ Карѳагенъ.

ДЖЕССИКА.

Въ такую ночь
Медея шла, въ поляхъ собирая травы
Волшебныя, чтобъ юность возвратить
Язону-старикѣ.

ЛОРЕНЦО.

Въ такую ночь
Съ своимъ любезнымъ Джессика бѣжала,
Покинувъ домъ богатаго еврея,
Изъ города Венеціи въ Бельмонтъ —
И скрылась тамъ.

ДЖЕССИКА.

Увы, въ такую ночь
Ее любить Лоренцо юный клялся,
И клятвами онъ душу у нея
Укралъ; но всѣ обѣты эти были —
Одинъ обманъ и ложь.

ЛОРЕНЦО.

Въ такую ночь
Хорошенькая Джессика-малютка,
Обидчица шалунья, клеветала
На милаго — и милый ей простилъ.

ДЖЕССИКА.

Сумѣла бы тебя я переспорить,
Когда бъ одни остались мы; но — чу!
Я слышу шумъ мужскихъ шаговъ.

Входитъ СТЕФАНО.

ЛОРЕНЦО.

Кто это
Поспѣшно такъ въ ночной тиши идетъ?

СТЕФАНО.

Другъ.

ЛОРЕНЦО.

Другъ? какой? скажите, другъ, прошу васъ,
Какъ васъ зовутъ?

СТЕФАНО.

Стефано. Приношу

Извѣстье я, что завтра на разсвѣтъ
 Прибудетъ госпожа моя сюда.
 Теперь она, въ окрестностяхъ Бельмонта,
 Къ святымъ крестамъ прикладываться ходитъ
 И шлетъ мольбы, колѣни преклоняя,
 О счастья супружества.

ЛОРЕНЦО.

Кто съ ней?

СТЕФАНО.

Святой монахъ и горничная — только.
 Скажите мнѣ, вернулся ли домой
 Мой господинъ?

ЛОРЕНЦО.

Еще не возвращался,
 И нѣтъ о немъ извѣстій никакихъ.
 Ну, Джессика, пойдемъ домой подумать,
 Какой бы намъ торжественный пріемъ
 Изобрѣсти владѣтельница замка.

Входитъ Ланчелотъ.

Ланчелотъ ъ. Тру-ту-ту! Тра-та та! Эй.

Лоренцо. Кто это зоветъ?

Ланчелотъ. Тру-ту-ту! Не видали ли вы синьора Лоренцо и синьору Лоренцо? Тру-ту-ту!

Лоренцо. Перестань трубить, дурень! Мы здѣсь.

Ланчелотъ. Тру-ту-ту! гдѣ? гдѣ?

Лоренцо. Здѣсь.

Ланчелотъ. Скажите ему, что отъ моего господина пріѣхалъ гонецъ, съ трубою, биткомъ набитою хорошими новостями. Мой господинъ будетъ здѣсь на разсвѣтъ. (*Уходитъ*).

ЛОРЕНЦО.

Мой милый другъ, вернемся въ замокъ; тамъ
 Мы будемъ ждать пріѣзда ихъ. А впрочемъ,
 Зачѣмъ итти? Стефано, милый другъ,
 Пожалуйста, скажите людямъ въ замкѣ,
 Что госпожа ихъ ѣдетъ; да пускай
 На чистый воздухъ выйдутъ музыканты.

(*Стефано уходитъ.*)

Какъ сладко спить сіяніе луны
Здѣсь на скамьѣ! Мы сядемъ тутъ съ тобою,
И пусть въ нашъ слухъ летитъ издалика
Звукъ музыки; тишь безмятежной ночи —
Гармоніи прелестной проводникъ.
Сядь, Джессика. Смотри, какъ сводъ небесный
Весь выложенъ мильонами кружковъ
Изъ золота блестящаго. Межъ ними
Нѣтъ самага малѣйшаго кружка,
Который бы не пѣлъ, какъ ангель, вторя
Въ движеніи размѣренномъ своемъ
Божественнымъ аккордамъ херувимовъ..
Такою же гармоніею души
Безсмертныя исполнены; но мы
До той поры ее не можемъ слышать,
Пока душа безсмертная живетъ
Подъ грубою и тлѣнною одеждой.

Входятъ МУЗЫКАНТЫ.

ЛО Р Е Н Ц О .

Эй, вы, сюда! Прервите гимномъ сонъ
Діаны; пусть прелестнѣйшіе звуки
Доносятся до вашей госпожи
И привлекутъ ее домой скорѣе. (*Музыка.*)

Д Ж Е С С И К А .

Становится мнѣ грустно всякій разъ,
Какъ музыку хорошую я слышу.

ЛО Р Е Н Ц О .

Причина та, что духъ твой напряжень.
Замѣть себѣ, когда несутся дико
Въ степяхъ стада, иль молодыхъ коней
Лихой табунъ, они безумно скачутъ.
Ревутъ и ржутъ: то кровь играетъ въ нихъ
Горячая. Но стоитъ имъ слышать
Лишь звукъ трубы или иной какой
Звукъ музыки — какъ вкопанные, станутъ
Мгновенно всѣ, и одичалый взглядъ,
Подъ силою мелодіи прелестной,
Въ смиреніе и кротость перейдетъ.
Вотъ отчего и говорятъ поэты,
Что пѣснями своими привлекалъ
Орфей деревья, волны и утесы;
Нѣтъ на землѣ живого существа
Столь жесткаго, крутого, адски-злого,

Чтобъ не могла хотя на часъ одинъ
Въ немъ музыка свершить переворота.
Кто музыки не носитъ самъ въ себѣ,
Кто холодень къ Гармоніи прелестной,
Тотъ можетъ быть измѣнникомъ, лгуномъ,
Грабителемъ; души его движенья
Темны, какъ ночь, и, какъ Эребъ, черна
Его пріязнь. Такому человѣку
Не довѣрай. Послушаемъ оркестръ.

Въ отдаленіи показываются Порція и Нерисса.

ПОРЦІЯ.

Вотъ этотъ свѣтъ горитъ въ моей пріемной,
Какъ далеко отъ маленькой свѣчи
Блеститъ огонь. Такъ въ извращенномъ мірѣ
Блеститъ добро.

НЕРИССА.

При лунномъ свѣтѣ мы
Не видѣли свѣчи.

ПОРЦІЯ.

Передъ сіяньемъ
Великой славы меркнетъ меньшій блескъ.
Пока король не явится — намѣстникъ
Сіяетъ такъ, какъ самъ король; когда жъ
Появится властитель — исчезаетъ
Величіе его, какъ ручеекъ
Теряется въ безмѣрномъ океанѣ.
Чу, музыка!

НЕРИССА.

Да, это вашъ оркестръ.

ПОРЦІЯ.

Все хорошо тогда бываетъ только,
Когда оно у мѣста. Звуки ихъ,
Мнѣ кажется, плѣнительнѣе ночью,
Чѣмъ днемъ.

НЕРИССА.

Ну, да! имъ прелесть придаетъ
Безмолвіе ночное.

ПОРЦІА.

Крикъ вороны
И жаворонка пѣніе равны
Въ ушахъ того, кто съ равнымъ равнодушьемъ
Ихъ слушаетъ; и если бѣ соловей
Пѣль днемъ, когда гогочуть громко гуси,
Считался бѣ онъ такимъ же музыкантомъ,
Какъ и пѣтухъ. Какъ много есть вещей,
Которыя тогда лишь получаютъ
И должную оцѣнку, и хвалу,
Когда даютъ ихъ вѣремя. Но тише!
Смотри, луна съ Эндиміономъ спитъ
И сонъ прервать не хочетъ!

(Музыка прекращается.)

ЛОРЕНЦО.

Это голосъ
Синьоры Порціи, коль слухъ меня
Не обмануль.

ПОРЦІА.

Меня онъ узнаеть,
Какъ узнаеть всегда слѣпой кукушку
По голосу противному.

ЛОРЕНЦО.

Привѣтъ
Сердечный вамъ, почтенная синьора!

ПОРЦІА.

Мы только что съ молитвы за успѣхъ
Своихъ мужей; надѣмся, что много
Мы помогли молитвой этой имъ.
Вернулись ли они домой?

ЛОРЕНЦО.

Покамѣстъ
Ихъ нѣтъ еще, но прискакаль гонецъ
Съ извѣстіемъ, что ѣдутъ.

ПОРЦІА.

Ну, Нерисса,
Ступай домой и прикажи слугамъ
Не говорить о томъ, что отлучались
Мы изъ дома. Объ этомъ же прошу
Васъ, Джессика, и васъ, Лоренцо тоже.

(Слышенъ трубный звукъ.)

ЛОРЕНЦО.

Недалеко супругъ вашъ: слышу я
Его трубу. Не бойтесь; мы, синьора,
Не болтуны.

ПОРЦІА.

Сегодняшняя ночь
На день больной, по моему, похожа —
Немного лишь блѣднѣе. Это день
Такой, какимъ бываетъ день безъ солнца.

Входятъ БАССАНІО, АНТОНІО, ГРАЦІАНО *и ихъ свита.*

БАССАНІО (къ Порціи).

Когда бы вы, синьора, въ тѣ часы
Являлися, когда не свѣтитъ солнце —
Мы съ антиподами, конечно, день
Имѣли бы въ одно и то же время.

ПОРЦІА.

На блескъ огня желала бы всегда
Я походить блистаніемъ, но только
Не легкостью; вѣдь, легкая жена
Такъ тяжела для мужа... эту тягость
Бассаніо не долженъ никогда
Испытывать. А впрочемъ, все отъ Бога!
Привѣтствую въ владѣньи вашемъ васъ,
Мой господинъ.

БАССАНІО.

Благодарю, синьора.
Привѣтствуйте и друга моего.
Вотъ этотъ другъ, Антоніо, который
Меня навѣкъ безмѣрно обязалъ.

ПОРЦІА.

Вы всѣмъ ему обязаны, конечно;
Я слышала, что изъ-за васъ себя
Онъ заложилъ.

АНТОНІО.

Во всемъ онъ поквитался
Вполнѣ со мной.

ПОРЦІА.

Отъ всей души, синьоръ,

Мы рады вамъ; но доказать вамъ это
Обязаны не на однихъ словахъ;
И потому словесную любезность
Я прекращу.

ГРАЦІАНО.

(разговаривавшій въ это время съ Нериссой.)

Луной, свѣтящей здѣсь,
Клянусь, что вы напрасно разсердились.
Повѣрьте мнѣ, секретарю судьи
Я далъ его. Такъ близко это къ сердцу
Вы приняли, мой другъ, что, право, я
Хозяину кольца за то желалъ бы
Стать евнухомъ.

ПОРЦІЯ.

Ого! ужъ ссору вы
Затѣяли! изъ-за чего, скажите.

ГРАЦІАНО.

Изъ-за пустой вещицы золотой:
Изъ-за кольца, что получилъ въ подарокъ
Я отъ нея; былъ вырѣзанъ на немъ
Такой девизъ: «люби меня и вѣчно
Не покидай» — девизъ, который могъ
Итти ко мнѣ на свѣтъ точно такъ же,
Какъ мастера ножеваго стихи
На лезвеѣ ножа.

НЕРИССА.

Да что толкуешь
О цѣнности и о девизѣ ты?
Когда тебѣ кольцо я отдавала,
Ты клялся мнѣ, что будетъ при тебѣ

Оно всю жизнь, и даже въ гробъ съ тобою
Уляжется. Коли не для меня,
То ради клятвъ твоихъ многорѣчивыхъ,
Ты долженъ бы не разставаться съ нимъ!
Секретарю судьи! Но я готова
Держать пари, что этотъ секретарь
Останется весь вѣкъ свой безбородымъ.

ГРАЦІАНО.

Нѣтъ, борода появится, когда
Мужчиною онъ станетъ.

НЕРИССА.

Да, конечно,
Коль женщина мужчиной можетъ стать.

ГРАЦІАНО.

Клянусь тебѣ вотъ этою рукою,
Твое кольцо секретарю судьи
Я подарилъ — мальчишкѣ молодому,
Съ тебя, никакъ не выше, ростомъ; онъ
Канючилъ такъ, молилъ такъ неотступно
Отдать ему въ награду за труды,
Что, право, я не могъ не согласиться.

ПОРЦІЯ.

Признаться вамъ по совѣсти, достойны
Упрека вы за то, что такъ легко
Рѣшились разлучиться съ первымъ даромъ
Своей жены: вѣдь, къ пальцу эту вещь
Вы клятвами навѣки прикрѣпили,
И къ тѣлу приковали вы ее
Присягою быть вѣрнымъ. Другу сердца
Я отдала свой перстень и его
Заставила поклясться, что до гроба
Не сниметъ онъ его. Мой милый другъ
Здѣсь налицо, и за него готова
Я присягнуть, что перстень тотъ отдать
Иль снять его съ руки за все земныя
Сокровища не согласится онъ.
Да, слишкомъ вы жестоко огорчили
Свою жену; случись такая вещь
Со мной — съ ума сошла бы я навѣрно.

БАССАНІО (*въ сторону*).

Ужъ лучше бы мнѣ было руку всю
Себѣ отсѣчь и присягнуть, что въ битвѣ
За то кольцо я потерялъ ее.

ГРАЦІАНО.

Бассаніо, синьора, тоже отдалъ
Кольцо судѣ, который попросилъ
Его о томъ и въ самомъ дѣлѣ стоилъ
Вполнѣ такой награды. А за нимъ

Его писецъ — мальчишка, съ письмоводствомъ
Возившійся, сталь у меня просить
Мое кольцо; и ни слуга, ни баринъ
Другихъ вещей не соглашались брать.

ПОРЦІА (*къ Бассаніо*).

Какое же кольцо вы подарили?
Надѣюсь я, что не мое.

БАССАНІО.

Когда бъ
Къ проступку могъ я ложь прибавить, сталь бы
Я отрицать; но видите — кольца
На пальцѣ нѣтъ: оно со мной разсталось.

ПОРЦІА.

Такъ, значитъ, нѣтъ и вѣрности уже
У васъ въ душѣ фальшивой. Богъ свидѣтель,
Что не взойду на ваше ложе я,
Пока кольца на васъ не буду видѣть.

НЕРИССА (*къ Граціано*).

И я, пока мое кольцо опять
Не будетъ здѣсь, къ вамъ не взойду на ложе.

БАССАНІО.

Другъ Порція, когда бы знали вы,
Кому кольцо я далъ, когда бъ вы знали,
Изъ-за кого я далъ кольцо, когда бъ
Вы поняли, за что кольцо я отдалъ,
Какъ не хотѣлъ разстаться я съ кольцомъ,
Но долженъ былъ, затѣмъ что не хотѣли
Взять ничего другого, какъ кольцо:
Смягчили бъ вы негодованье ваше.

ПОРЦІА.

Знай вы, синьоръ, достоинство кольца;
Знай вы, хотя на половину цѣну
Той женщины, что вамъ дала кольцо;
Знай вы, что вамъ и честь повелѣвала
Хранить кольцо — вы бъ никому кольца
Не отдали. Вѣдь, если бъ вы хотѣли
Съ горячностью отстаивать его,
Нашелся ли бъ настолько сумасшедшій,
Чтобъ требовать настойчиво предметъ,
Считаемый святынею? — Нерисса
Сказала мнѣ, что думать я должна:

Будь я не я, коли кольца не дали
Вы женщинѣ.

БАССАНІО.

Нѣтъ, честію клянусь,
Клянусь душой — не женщинѣ, синьора,
Я даль его, а мудрому судѣ;
Онѣ не хотѣлъ три тысячи червонцевъ
Взять у меня и только о кольцѣ
Просилъ. Сперва я отвѣчалъ отказомъ
И онѣ ушелъ съ негодованьемъ — онѣ,
Которому спасеньемъ жизни друга
Обязанъ я. Что было дѣлать мнѣ,
Прекрасная синьора? Поневоля
Я долженъ былъ послать ему кольцо;
Приличья долгъ и стыдъ меня томили,
И честь моя взывала, чтобъ ее
Не пачкалъ я неблагодарнымъ дѣломъ.
Простите мнѣ, великодушный другъ;
Священными свѣтилами ночными
Клянусь, когда бъ вы были тамъ со мной,
То сами бы навѣрно попросили,
Чтобъ доктору достойному кольцо
Я подарилъ.

ПОРЦІА.

Пускай же этотъ докторъ

423

На мой порогъ не всходитъ никогда.
Ужъ такъ какъ онѣ владѣеть этимъ перстнемъ
Любимымъ мной, который вы клялись
Беречь, какъ знакъ любви ко мнѣ, — то съ вами
Я щедростію хочу сравниться. Да,
Ему ни въ чемъ, чѣмъ только я владѣю,
Отказывать не буду съ этихъ поръ —
Ни въ чемъ; хотя бъ мое то было тѣло,
Иль брачный одръ супруга моего.
Я съ нимъ сойдуся — за это поручиться
Вполнѣ могу; совѣтую всегда
Вамъ дома спать, смотрѣть за мной, какъ Аргусъ;
А чуть меня оставите одну,
Клянуся вамъ своею честію — честію,

Которая еще при мнѣ теперь,
Я доктору свое открою ложе.

НЕРИССА (*Граціано*).

А я — писцу его, и потому
Подумайте объ этомъ, оставляя
Меня одну подъ собственный надзоръ.

ГРАЦИАНО.

Ну, хорошо; но только пусть мнѣ въ руки
Писецъ не попадается — не то
Его перо я разомъ уничтожу.

АНТОНИО.

Къ несчастью, я предметъ всѣхъ этихъ ссоръ.

ПОРЦИЯ.

Пусть это васъ, синьоръ, не огорчаетъ;
Мы, все-таки, душевно рады вамъ.

БАССАНИО.

Другъ Порція, невольную обиду
Простите мнѣ; въ присутствіи друзей
Стоящихъ здѣсь, клянусь тебѣ твоими
Прекрасными глазами, гдѣ себя
Я вижу самъ...

ПОРЦИЯ.

Замѣтьте-ка: въ обоихъ
Моихъ глазахъ онъ видитъ самъ себя
Вдвойнѣ — итакъ, по разу въ каждомъ глазѣ.
Клянитесь же вы двойственной душой —
Довѣріе внушить такая клятва.

БАССАНИО.

Но выслушай. Прощенья за вину
Мою прошу, и всей душой клянуся,
Что съ этихъ поръ я буду сохранять
Обѣты всѣ всегда ненарушимо.

АНТОНИО (*Порціи*).

Я отдавалъ, для счастья его,
Себя въ залогъ, и заплатился бѣ тѣломъ
Навѣрно я, безъ помощи того,
Кому вашъ мужъ далъ перстень. Снова смѣло
Я душу дамъ въ залогъ того, что онъ
Умышленно впередъ не провинится

Въ невѣрности.

ПОРЦІЯ (*снимая съ руки кольцо*).

Итакъ, вы за него
Мнѣ будете порукой. Дайте это
Кольцо ему; но съ просьбой, чтобъ его
Онъ сохранялъ старательнѣй и лучше,
Чѣмъ первое.

АНТОНІО.

Возьмите же кольцо,
Бассаніо, и поклянитесь вѣчно
Его хранить.

БАССАНІО.

Свидѣтель Богъ, оно -
То самое, что доктору я отдалъ.

ПОРЦІЯ.

Да онъ-то мнѣ и передалъ его.
Бассаніо, простите; этотъ перстень
Мнѣ подаренъ за то, что ложе сна
Я съ докторомъ ученымъ разделила.

НЕРИССА (*Граціано*).

И ты меня мой миленькій, прости;
Писецъ судьи, мальчишка этотъ скверный,
Вчерашній день, за это вотъ кольцо,
Спаль у меня.

ГРАЦИАНО.

Кой чортъ! да развѣ лѣтомъ,
Когда совсѣмъ дороги хороши,
Есть надобность чинить ихъ? Неужели,
Еще роговъ не заслуживши, мы
Ужъ сдѣлались рогатыми?

ПОРЦІЯ.

Прошу васъ
Не говорить такъ грубо. Всѣ вы здѣсь
Изумлены. Вотъ вамъ письмо; прочтите
Его въ часы свободные; оно
Изъ Падуи, отъ доктора Белларьо.
Вы изъ него узнаете, что я
Была судьей, Нерисса же — судейскимъ
Секретаремъ. Лоренцо будетъ вамъ
Свидѣтелемъ, что я вослѣдъ за вами

Уѣхала и только что домой
Вернулась: еще и не входила
Я въ комнаты. Антонио, привѣтъ
Душевный вамъ; извѣстія такія
Я припасла для васъ, какихъ совсѣмъ
Не ждете вы; вотъ вамъ письмо — прочтите
Его скорѣй: оно васъ извѣститъ,
Что ваши корабли съ богатымъ грузомъ
Въ нашъ портъ пришли. Я не открою вамъ,
Благодаря какой, довольно странной,
Случайности оно въ моихъ рукахъ.

АНТОНИО.

Я онѣмѣлъ.

БАССАНИО.

Какъ! были вы судьей,
И не узналъ я васъ?

ГРАЦИАНО.

Какъ, были вы
Его писцомъ, желающимъ рога
Приставить мнѣ?

424

БАССАНИО.

Прелестный докторъ мой,
Вы будете дѣлать со мною ложе;
Въ отсутствіи жъ моемъ, съ моей женой
Спать будете.

АНТОНИО.

Прекрасная синьора,
Вы дали мнѣ и жизнь, и средства жить:
Здѣсь я прочелъ за вѣрное, что въ гавань
Мои суда приплыли.

ПОРЦИЯ.

Ну, вы какъ
Живете здѣсь, Лоренцо? Мой писецъ
Привезъ и вамъ хорошія извѣстья.

НЕРИССА.

Дѣйствительно — и даромъ ихъ отдамъ

Вотъ здѣсь для васъ и Джессики, смотрите,
Формальный актъ, которымъ жидъ-богачъ
Вамъ отдаетъ по смерти все, чѣмъ только
Владѣеть онъ.

ЛОРЕНЦО.

Людей голодныхъ путь
Усыпали вы манною небесной,
Прекрасная синьора.

ПОРЦІЯ.

Начало
Уже свѣтать, а я могу ручаться,
Что вы еще не знаете вполнѣ
Подробностей случившагося. Въ замокъ
Пойдемте же, и тамъ вольны вы насъ
Вопросами засыпать — мы отвѣты
На все дадимъ, какъ слѣдуетъ.

ГРАЦІАНО.

Быть такъ.
И вотъ вопросъ вамъ первый, на который
Нерисса мнѣ подъ клятвой дать отвѣтъ
Обязана: чего ей хочется сильнѣе —
До завтра ль на ногахъ стоять, или скорѣе
Итти въ постель теперъ, до наступленья дня
За часъ иль два? А что касается меня,
Когда бъ теперъ былъ день, я — сознаюсь въ томъ смѣло -
Желалъ бы, чтобъ скорѣй погасъ онъ и стемнѣло,
И спать бы я пошелъ съ секретаремъ судьи.
Отнынѣ посвящу заботы всѣ мои,
Чтобъ пуще всѣхъ вещей, на сколько хватитъ силы,
Хранить кольцо моей Нериссы до могилы.

П. Вейнбергъ.
